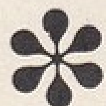

Ровесник

1/73

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

На первой и четвертой страницах обложки: Куба сегодня (фото Л. Шерстенникова). Заметки о молодежи острова Свободы читайте на странице 21.

В этом номере читайте очерки о советских людях: монтажнике — в Афганистане, учителе — в Народной Республике Конго, тренере — в Польше, о воспитателях и воспитанниках Ивановского интердома

МОСКВА В историю международного молодежного движения ноябрь 1972 года вошел одним из крупнейших событий последних лет — Всемирной встречей трудящейся молодежи. В ней приняли участие посланцы 271 национальной, международной и региональной молодежной организации из 115 стран мира, представители членских организаций ВФДМ, Всемирной федерации профсоюзов и других международных организаций; присутствовали представители ООН, ЮНЕСКО и МОТ.

Участники встречи совершили поездку по нашей стране, побывали в столицах союзных республик и городах РСФСР, посетили предприятия, профтехучилища, колхозы и совхозы, где познакомились с условиями труда, учебы, быта и досуга советской молодежи, с достижениями народов СССР в строительстве материально-технической базы коммунизма.

Главным мероприятием встречи стала международная конференция «Трудящаяся молодежь в современном обществе и ее борьба за свои права, социальный прогресс, независимость и мир», в ходе которой обсуждались такие важные проблемы, как положение и роль трудящейся молодежи в современном общественном производстве в условиях различных социально-экономических систем, участие трудящейся молодежи в борьбе за социально-экономические преобразования, свои демократические права и свободы, солидарность и сотрудничество трудящейся молодежи в борьбе против империализма, за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

С приветственным посланием к участникам встречи обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Встреча в Москве помогла трудящейся молодежи мира лучше узнать друг друга, обогатиться опытом борьбы за свои социально-экономические права, объединить усилия молодого поколения для достижения прочного мира, ликвидации неравенства, укрепления солидарности и сотрудничества.

Материалы о Всемирной встрече трудящейся молодежи в Москве и рассказы о некоторых ее участниках будут опубликованы в следующем номере «Ровесника».

ПАРИЖ Наиболее ярким событием прошлого года в жизни молодежи Франции стала массовая кампания «За право на труд, на образование, на получение специальности — для всех!». В столице и 52 городах страны тысячи юношей и девушек прошли в рядах демонстрантов, отстаивая гарантированные права на получение специальности, на поступление в институт, на повышение квалификации, протестуя против дискриминации в заработной плате.

Выступая на 60-тысячном митинге в Париже, генеральный секретарь Движения коммунистической молодежи Франции (ДКМФ) Ролан Фаваро сказал: «Эти демонстрации еще раз подтверждают решимость молодежи идти в ногу со временем. Молодежь ясно выразила свое стремление стать частью того политического союза, который сейчас выковывается».

Всемирный Молодежный Телеграф

1 N

Массовые выступления молодежи за свои права показали, что и она сможет достичь поставленных целей, лишь объединив усилия. Именно этой задаче — единству — отвечает новый лозунг ДКМФ: «Молодежь вместе с коммунистами — за совместную программу!» — программу, выработанную коммунистами, социалистами и левыми радикалами. Под этим лозунгом молодые французы готовятся к предстоящим в марте 1973 года выборам в парламент.

СИДНЕЙ Ежегодно в первые дни мая на улицы австралийских городов выходят тысячи юношей и девушек. Это рабочие, служащие, студенты выступают с совместными требованиями. Лозунги над колоннами демонстрантов призывают к поддержке борьбы молодых рабочих за свои права, осуждают произвол расистов, требуют от правительства субсидий на образование и социальное обеспечение.

Австралийская молодежь активно готовится к ставшим традиционными майским выступлениям: печатаются плакаты, брошюры, листовки, распространением которых заняты молодые активисты, одного из которых вы видите на снимке.

Многие годы важной темой майских выступлений была солидарность с борющимся Вьетнамом. Именно на основе антивоенного движения, застрельщиком которого выступили сиднейские докеры, складывалось единство молодых. «Кончай работу, чтобы кончилась война!» — таким призывом начинались их забастовки. Рекордной по числу участников прошлого года явилась антивоенная демонстрация в Мельбурне, которая насчитывала 100 тысяч человек.

СТОКГОЛЬМ Тысячи девушек и юношей участвовали в собраниях, «сит-инах», и демонстрациях в защиту окружающей человека среды, против загрязнения воздуха и воды, против истребления природы. «Осторожно! Дышать опасно для жизни!», «Что такое дерево?», «Да!» — общественному транспорту!» — с подобными лозунгами, в масках и даже в противогазах молодежь, прихватив «бездымные» велосипеды, уже не однажды выходила на улицы западноевропейских и североамериканских городов. И если поначалу печать обращала внимание на экзотическую необычность манифестаций, то с течением времени настойчивость и страстность выступлений молодежи все больше приковывала внимание к существу движения.

В сентябре, в день открытия в Стокгольме Международной экологической конференции, молодежь из многих стран мира открыла собственный форум в защиту окружающей среды. На форуме обсуждались те же проблемы, только ставились они острее, конкретнее, решительнее. Монополии и фирмы, виновные в загрязнении воздуха и воды, должны нести финансовую и судебную ответственность — вот главный вывод стокгольмского форума молодых.

ВАРШАВА Об операции «Фромборк», которая проводится молодежью Польши, уже рассказывал «Ровесник» в № 11 за 1971 год.

Через месяц, 19 февраля 1973 года, в день рождения великого польского ученого Николая Коперника, эта операция завершится. Но помнить о ней будут сотни тысяч польских юношей и девушек, руками которых был заново отстроен разрушенный гитлеровцами город Фромборк, где Николай Коперник проработал около тридцати лет.

Многие годы учащиеся школ и профтехучилищ, студенты, молодые рабочие приезжали сюда на время отпуска или каникул. В штабе восстановления города подсчитали, что в операции «Фромборк» участвовало около 100 тысяч человек, отработано 1 миллион 600 тысяч часов.

За хорошую работу многим молодым людям присвоено звание почетного гражданина Фромборка. На снимке вы видите одну из участниц операции «Фромборк».

Смотрите!

СЧИТАЮТ, ЧТО АГОНИЯ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ НАЧАЛАСЬ В АВГУСТЕ 1969 ГОДА. ИМЕННО В ЭТОМ МЕСЯЦЕ НА ОСТРОВ ДЛЯ «ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОРЯДКА» БЫЛИ ПЕРЕБРОШЕНЫ АНГЛИЙСКИЕ СОЛДАТЫ. ПОДВЕДЕМ ИТОГИ: К СЕРЕДИНЕ НОЯБРЯ 1972 ГОДА В РЕЗУЛЬТАТЕ МЕР ПО «ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПОРЯДКА» ПОГИБЛО 630 ЧЕЛОВЕК, ТЕРРОР УЛЬТРАПРАВЫХ ПРОТЕСТАНТСКИХ БАНД ПРОДОЛЖАЕТ УСИЛИВАТЬСЯ...

...ЭТИМ ДЕТЯМ В 1969 ГОДУ БЫЛО НА ЧЕТЫРЕ ГОДА МЕНЬШЕ. НО НЕ ВСЕМ ИРЛАНДСКИМ ДЕТЯМ СТАЛО С ТЕХ ПОР НА ЧЕТЫРЕ ГОДА БОЛЬШЕ...

ЗА

Получают люди задание и едут в командировку. Ситуация вполне обычная. Необычной она становится в тот момент, когда выясняется, что место это за тридевять или почти за тридевять земель, за рубежами нашей страны. Именно там советским специалистам предстоит строить, устанавливать оборудование, щедро отдавать свой профессиональный опыт. Они приезжают в далекие и близкие страны, где по их делам и словам судят о нашей Родине.

В этом номере вы прочтете очерки о строителе, спортивном тренере, страницы дневника учителя, работавших в Афганистане, Польше, Народной Республике Конго. Наконец, вы сможете познакомиться с воспитанниками интернационального детского дома, что расположился в старом русском городе Иванове...

Володя Дрожжин, уста из Мазари-Шарифа

В наше восприятие добавлена та самая малость, от которой чище, податливей свет уличных фонарей, ласковей перспективы улиц, поэтичнее белизна снега, а в лицах прохожих открываются откровенность и доброта.

Как будто мы посмотрели умный фильм, всколыхнувший нас до глубины души. Как будто мы прочитали страницу книги, подтвердившую наши мысли, нестройно, но настойчиво подступавшие, — и теперь они обрели законченность и гармонию. Как будто мы увидели в галерее картину, подарившую нам таинство проникновения в жизнь, и мы испытываем трогательное и торжественное чувство приподнятости, боимся его взвешивать, анализировать словами, и весь жизненный хлам, занозистая мелочность, обыденная суета отступают, тускнеют, делаются побеждаемыми...

Таково действие человеческого таланта, раскрывшегося в кинофильме, книге, картине или в беседе.

Владимира Дмитриевича Дрожжина я слушал вначале с тем вниманием, которому необходимо еще и искусственное поощрение, ибо говорил он не последовательно, то забегал вперед, то неожиданно останавливался, думал, возвращался, и, странно, именно такая манера рассказа постепенно пленяла, создавала полный образ.

И вот воображение услужливо рисует реку Амударью, теплоход типа увеселительных, прогулочных катеров, которые обычно катают отдыхающую публику в черте города. Теплоход добежал до пограничного с Афганистаном Термеза, и здесь, как последний вздох, как поклон земле, с которой нужно расставаться, всех посетило настойчивое, сильное

КОМАНДИРОВКА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

чувство разлуки. С ним трудно было справиться, ибо оно было неожиданно и полно, и именно очевидной своей полнотой вызывало удивление, как откровение, как новое понимание и себя и земли, с которой вот теперь, в самую неподходящую для этого минуту, нужно было расставаться.

Подошел человек в вицмундире цвета кофе с молоком, босой и с палкой. Он сказал:

— Пашапорт. — И этим словом, с трудом по-русски произнесенным, заставил подозревать в себе лицо официальное.

Потом ехали через пустыню, на ЗИЛ-130, ехали к неведомому, в семидесяти километрах от границы городу Мазари-Шарифу. Водители-афганцы чудом угадывали росчерк дороги в ослепляющем свете.

Садилось солнце за блеклым горизонтом, удлинялись тени, густели, казалось, физически меняя природу вечного песка, делая его похожим на твердые скалы. Потом солнце свалилось за горизонт. Автомобили остановились. Водители вышли из кабин. День кончался — работа кончилась. Благословен аллах! Пустыня замерла под куполом широченного неба, ворочаясь под звездами таинственной, подвижной, зловещей жизнью песка, колючек и гадов.

Как только краешек солнца показался из-за горизонта, зарокотали двигатели ЗИЛов, и нужно было проснуться, увидеть безбрежный песок и перебрать стремительной памятью все вехи начавшегося движения: Москва — поезд, в окне проплывают города и деревни России, упрямо меняется ландшафт — Средняя Азия, Амударья, Термез — и вот пустыня, Афганистан, намек на дорогу, и рокочут двигатели атомобилей, приглашая сесть и ехать в Мазари-Шариф.

Город показался скорее, чем можно было ожидать, и поэтому заставил еще раз вспомнить ту категоричность послушания корану, запрещающему работать с заходом солнца, с какой водители заглушили вчера моторы. А город — вот он, оказывается, рядом с местом ночевки, и русский человек Владимир Дрождин постановлял для себя внимательно смотреть и слушать, говорить осторожно, чтобы не задеть, не обидеть ненароком непонятных пока людей. Он призывал себя к деликатности и той самой душевной мудрости, которая выражена в пословице «В чужой монастырь со своим уставом не ходи»...

Мазари-Шариф предстал низенькими глиняными домиками, плоскими крышами, площадью, которую окружали дома уже двухэтажные, почти европейского типа, с балкончиками без перил и центром которой была мечеть, издалека сзывавшая мусульман.

Сидели старики, строгие, нахмуренные, исподлобья посматривали на машины, словно нехотя отрывались от созерцания своей души, скроенной по законам корана. Шли люди в простеньких халатах, загорелые, худые, легкие. Показывали на машины пальцами, улыбались.

Продавец в магазине отчужденно пожимал плечами, когда ему с помощью жестов создавали образ черных очков: описывали круги пальцем у глаз, закидывали невидимые ушки и, жмурясь, показывали, как прекрасно глядеть глазами, защищенными от яркого солнца. Продавец не понимал.

Автомобили двигались дальше. Теперь уже было близко к поселку, построенному для советских специалистов. Пока всего несколько домиков. Потом будет удобнее, лучше, комфортабельнее. Будут плавательный бассейн, волейбольные площадки, футбольное поле... Но это потом.

В трех километрах от поселка поднимался будущий химический завод азотнотуковых удобрений. Строился он афганцами, но при участии советских рабочих и инженеров.

Владимир Дмитриевич Дрождин — монтажник, высотник, трубоклад. Есть в слове «трубоклад» что-то неудобное для непрофессионального слуха, снижающее смысл самого дела. Но достаточно представить трубы заводов, фабрик, мартеновских печей, химических предприятий, всегда словно плывущие в неподвижных облаках неба, чтоб сообразить, какие человеческие качества потребны на такого рода работе.

Профессия есть профессия. И великое в ней — сомнение. Сомнение не хныкающее, не ублажающее себя словами, а практическое, деловое, являющееся импульсом для личного совершенствования. Такое сомнение тревожит душу настойчивой мыслью, что еще не все сделано, не все так сделано, что может быть лучше, быстрее, изящнее, иначе. Что есть люди — мастера, словно родившиеся для этой профессии, и смотреть их в работе, видеть их, переживая добрую зависть и физическую неодолимую потребность подражания, — необходимость. Вот что руководило Владимиром, когда он пришел в отдел кадров строительства Останкинской телебашни. Он совершенно искренне пола-

гал, что здесь работают люди исключительного мастерства и характера. Все оказалось проще, жизненнее и лучше, потому как многограннее.

Дрождин не ошибся вот в чем: уважительность, с какой он подходил к людям, всегда учит качественнее, потому что люди чутко улавливают почтительное к ним отношение и поворачиваются доброй стороной души, благодарно и откровенно.

Останкинскую башню Владимир строил от «нуля» до самой последней точки ее грандиозной высоты...

Крестьяне собирались быстро, теснились разноликой, пестрой толпой. Они, люди из соседних деревень, говорили на разных диалектах, плохо понимали друг друга. Говорили громко, спорили, энергично жестикулировали, словно желали показать, что работу они, конечно, знают, по крайней мере, она для них не проблема.

По мановению руки одного из них они мгновенно затихли, выстроились, руки опустили по швам — кто-то один из них был начальник, господин, мистар.

— Показываешь им, как вязать арматуру. Жарища. Ну, если у себя дома работаешь, взял да пропустил звено. Прочности не убавится. А тут стоит вокруг тебя человек десять. Все смотрят. Ничего не ускользнет от них. Движение пальца. Вяжешь все подряд. Не пропуская. Нельзя, — говорил Владимир.

Можно было пойти внешне легким путем — натаскивать: делай вот так и не спрашивай. Делай — в конце концов есть объем работ, есть сроки и надо исполнять. И к тому же он, Владимир Дмитриевич, всего лишь консультант.

Он объяснял обстоятельно и подробно, спрашивал:

— Понятно?

Человек мотал головой, смотрел в ноги.

Владимир Дмитриевич объяснял еще раз.

— Понятно?

— Ударь меня, мистар, ударь меня. Я не понимаю...

Натаскивать человека в какой бы то было профессии, то есть передавать ему определенную сумму навыков, не объяснив их природу, их целесообразную необходимость, — это, в сущности, означает как-то обидно миновать человеческую личность, его способность мыслить. Этого Владимир Дмитриевич сделать не мог. Не мог не только в силу своих личных добрых качеств души, но и в силу социального своего воспитания, в силу уважительности к человеческой личности, которая входит к нам в сознание безотчетно, незаметно, недекларативно и потому естественно и прочно.

— Это железо гнуть нельзя. На сгибе возникнет маленькая, невидимая трещинка. И потом, со временем, здесь и сломается, — говорил Владимир Дмитриевич.

— Железо... нельзя? — поражался рабочий, для которого понятие «железо» было символом самого не то что прочного, а чуть опоэтизированного материала — сильного... И будь у него соха не деревянная, а железная, то бишь «сильная», он бы и горюшка не знал.

Нужно было объяснять марки железа и стали, сохранив уважительность к сохе, не нарушая гамму выработанных представлений, оставляя домыслить самому. Объяснение невольно расширялось, захватывало другие области, как того требовала доходчивость.

— Они замечательные, гостеприимные, гордые люди, — говорил Владимир, отчаиваясь, что он слишком сжато характеризует людей, с которыми работал, которых полюбил. — Гордые... Объяснишь работу. Вижу по глазам — не понял. А говорит иногда: понял. Тут нужно отойти. Делает не так: вижу — не так. Подойдешь как бы между прочим, встанешь рядышком и делаешь как нужно. Он посматривает. Слова не скажет, а будет благодарен...

Есть вещи, которые трудно объяснить, именно из-за их очевидной естественности. Например: ранговость, сказать даже странно, среди наших специалистов. Она отсутствует — точнее, она подчинена производству, она служит для понимания круга обязанностей и прав, не более. Нам даже и представить невероятно, чтобы, скажем, арматурщик-техник стоял навытяжку перед инженером и не смел в его присутствии улыбаться, даже когда инженер шутить изволит. Мы, естественно, демократичны в обращении друг с другом, в житейской жизни, в работе: ты отвечаешь за такой-то объем работы, я — за меньший; вместе мы делаем одно дело, после работы пойдем играть в волейбол...

Здесь, на севере Афганистана, среди крестьян из деревень, где переживается феодальный уклад, ранговость чувствуется и выглядит чуть курьезной в людях, которые одинаково просто одеты, одинаково готовы работать.

И все же, хотели бы того или нет они, советские специалисты — электросварщики, арматурщики, бетонщики, монтажники, приехавшие в Афганистан строить химический завод азотнотуковых удобрений, — они самой работой вергались в равномерное спокойствие тихого деревенского уклада, рушили его делом, притягивали рабочую силу, учили своему профессиональному мастерству, невольно и естественно преподавая свои нравственные нормы, жизненные представления, образ мышления. Будет расти химический завод, будут меняться отношения между людьми, в которых будет взята за основу простота, энергичность «русских», будет выкраиваться новое миропредставление об огромной стране советских людей там, на севере.

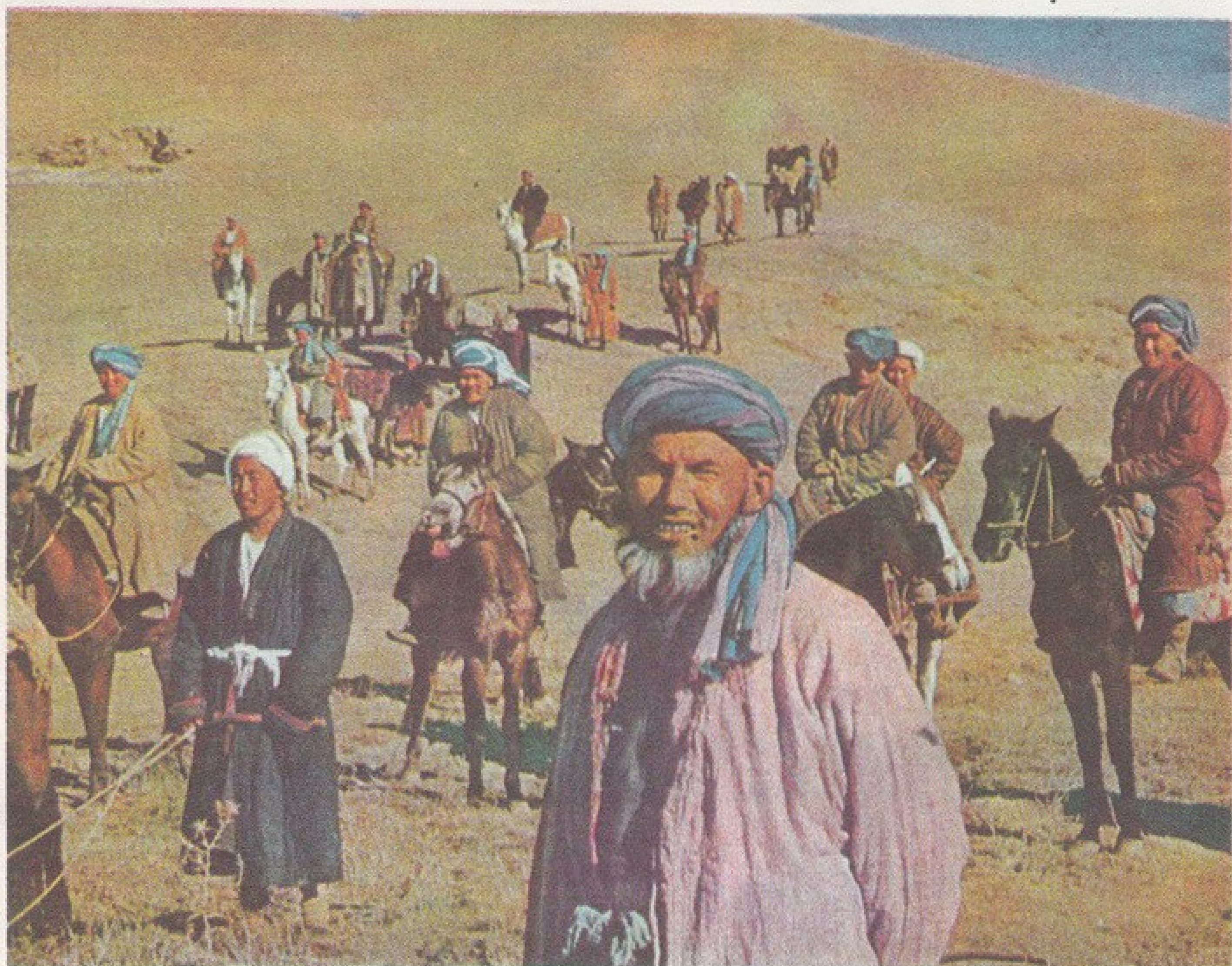
— Мистар, хотите кусочек лепешки?

День отъезда для Владимира Дмитриевича явится неожиданным не сроком, давно ему известным, а чувством, в котором будет радость, что он едет после четырех лет работы домой, и грусть, и желание доделать химический гигант, — работы осталось совсем немного, и озабоченность за тех, которые приедут сюда вместо него...

В Мазари-Шарифе сидят старики, хмурые и строгие от созерцания корана и уходящего времени.

В Мазари-Шарифе на площади, у машин, печально стояли худые, легкие люди, скрестив на груди руки, и взгляд их был неподвижен и глубок, словно им они заглядывали в то временное начало.

«В Афганистане вот еще что было необычно: за нами все время следили

когда появились здесь первые люди-строители, и клацанье закрываемой дверцы машины тогда пугало их.

В Мазари-Шарифе продавец магазина внимательно выслушал на его родном языке просьбу показать очки от солнца и уважительно ответил на русском:

— Черные очки? Пожалуйста...

Термез. На железнодорожной станции Владимир Дмитриевич накупит конфет, будет пить газированную воду, уже понимая, что радость и удовольствие — это оттого, что он ест конфеты, запивая водой, на родной земле...

Владимир потом скажет:

— Люди все одинаковые... Почти одинаковые.

И мы подумаем, что мы, наверное, немного испорчены романическими представлениями, избалованы понятиями исключительности героев, которые доказываются нам столь же исключительными жестами, обстоятельствами, словами, даже внешностью. Мы невольно и в жизни ищем эту исключительность в красивом, отлично выкроенном лице, в необычности, оригинальности слов, в необычности обстоятельств. А все проще: исключительность вот в этом заурядном, на первый взгляд, малозначащем «почти». И это «почти», продленное крепко, неизменяемо в человеческую жизнь, в его труд, в его каждодневные поступки, суммированное, является со временем щедрым, богатым результатом в труде и в жизни человеческой личности.

Падает снег — поэтичный, мягкий. В наше восприятие улицы добавлена та самая малость, от которой все чище, лучше, яснее.

Потом это утихнет, уляжется, пройдет эффект яркого переживания и соучастия, пройдет эффект от встречи с человеком. Но в нас заложится штрих от чьего-то таланта, и этот штрих сделает нас восприимчивее и тоньше.

Виктор ТУЗОВ

настороженные и удивленные глаза...»

СЕМЬ СТРАНИЦ ИЗ ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЯ

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА УХОВА, ЧЕТЫРЕ ГОДА ПРОРАБОТАВШЕГО В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

13 сентября, понедельник

Всю ночь промучился без сна и только к утру задремал: влажность — 98 процентов, и под нейлоновым «мустикером» душно, как в склепе. Как всегда в таких случаях, в полудреме «прокручивалось» то, что со мной должно произойти завтра, сегодня то есть.

Итак, в 9.30—рандеву в лицее «Саворнян де Бразза», куда меня направили.

9.30 ровно. Стукнул дрожащим пальцем прямо под табличкой, на которой стоит: «Инспектор. Г-н Ля Пик». (У нашей Эдды в 256-й московской школе такой роскоши на дверях не было.) По команде из-за двери: «Антрэ!» — на ватных ногах, все-таки первая встреча с французом, переступаю порог кабинета. За столом — большой нос, рыжеватые волосы, руки в желтых пятнах (судя по этим пятнам, он в Африке лет сорок!).

— ...Vous désirez? [1]

Объяснил: русский, назначен министерством национального образования Конго преподавать физику.

Что-то долго молчит... Не понял меня, что ли?

— Бьен. Урок в 10.45, третий класс М-6, во втором корпусе.

Как в 10.45, как третий? В третьем физику не проходят! Стоп! Проходят. По-ихнему — третий, по-нашему — восьмой.

Инспектор смотрит на меня устало, но с любопытством, ждет, что я попрошу время, чтобы осмотреться. Дудки, господин француз! Как говорят на вашей далекой родине: «На войне как на войне!»

— Хорошо, мсье инспектор, я согласен.

Проверим «амуницию». Словарь — здесь. Конспекты по электричеству — тоже. Брошюра? «О структуре французской школы». На обложке надпись: «Брату В. У. от родной сестры Г. У.» Спасибо, Галка! Ты меня поддерживаешь даже здесь, на экваторе. Так что в книжке? Младший класс — одиннадцатый, старший — первый, потом «терминаль», то есть выпускной класс, и «бак» — экзамен на звание бакалавра.

10.45 — звонок. Спокойно, Вова, без паники!

В классе 42 человека: 35 мальчиков, 7 девочек.

— Садитесь, товарищи!

Настороженная тишина.

Представляюсь. Мое скромное имя вызывает улыбки. Еще бы: они все Малонга, Нкунку, Батола, Абаламани... а тут — Ухов. Но самое смешное оказалось впереди.

А пока небольшой фокус. 21 парта в три ряда. Быстро черчу квадратики на листе бумаги.

— Давайте познакомимся!

Бегло вызываю учеников в алфавитном порядке. Класс чуть ли не стонет от смеха. Конечно, все фамилии я переврал. Но пока они резвились, я незаметно вписал фамилии в схему.

А теперь...

— Скажите, Массала, у вас всегда так весело?

— ?!

На лицах изумление. Это хорошо. Думают, что я уже запомнил всех по фамилиям. Как говорится, самое главное — удивить.

Начал рассказывать (для знакомства) о Москве, о советской школе, о молодежи, о нашей жизни. Две минуты говорю, три, четыре, и тут... весь класс заходится смехом. Смеюсь и сам: мое произношение. Конечно, после 10-месячных курсов я вряд ли говорю как Виктор Гюго. Надо что-то придумать. Если не отвлечь их внимание от моего «прононса» сейчас, то я не смогу работать. Невозможно же исправить его за один день! Меня осеняет:

— Ребята! Я не француз, я русский и по-русски говорю лучше, чем по-французски. Давайте договоримся: я плохо знаю французский, а вы, как я понимаю, слабо знаете физику. Будем вместе учиться и помогать друг другу. — Тут я попытался изобразить хитрую улыбку. — Но учтите при этом, что оценки ставлю только я!

Я видел по глазам, что они поняли. Оценили мой скромный юмор и приняли. А это очень важно — взаимопонимание...

Вечером того же дня пошли с женой прогуляться по ночному Браззавилю. Под фонарями, которые стоят вдоль газона, разделяющего проезжую часть улицы, видны какие-то фигуры с книжками в руках. Приближаемся.

— Добрый вечер, господин учитель.

Я изумленно молчу. Вот так популярность!

— Добрый вечер, мадам учитель.

Жена испуганно сжимает мне локоть: ее-то откуда знают?

— Я был утром у вас на уроке.

Разговорились.

— Почему стою здесь? Где я живу, нет электричества. После школы был занят по хозяйству, а теперь готовлю уроки. У вас есть советские значки, господин учитель? Спасибо, я приду завтра.

Об этом эпизоде надо будет рассказать кое-кому из моих московских учеников.

В домах нет света, тетради и учебники стоят дорого, но молодежь тянется к знаниям: Конго — единственная в Африке страна со стопроцентным охватом детей начальным образованием. Нужно будет построить свои уроки так, чтобы как можно больший объем материала изучался и закреплялся днем, в классе.

26 декабря, вторник

Склонились над тетрадями черные, продолговатые мальчишечьи головы; девчонки угрожающе выставили свои иглы-косички. Идет «композисьон» — триместровая контрольная работа («триместр» соответствует нашей «четверти»).

Ндамба, Амбулу, Бусси, Окуйа... — неплохие они ребята. Но им трудно со

[1] *Что вам угодно? (франц.).*

мной — ведь моя, вернее наша, методика преподавания отличается от того, к чему их приучила французская школа.

Наш диапазон оценок — от 1 до 5, а если точнее, от 2 до 5. «Кол» теперь редко ставят. Здесь же, в Конго, — от 0 до 20. «Нуль» является нежелательной, но полноправной оценкой.

Что же лучше? Нашей шкалы оценок явно не хватает, иначе зачем придумывать «три с плюсом» или «четыре с минусом». А что же в Конго? На мой взгляд, двадцати многовато. Для контрольной или самостоятельной работы — хорошо, а для устного ответа — многовато. Легко поставить 20, легко поставить 0! А вот как выбрать между 13 и 14?..

— Малонга, смотрите в свою тетрадь, пожалуйста.

— Мсье, я не списываю.

— А я и не говорю, что вы списываете.

...Так вот, мое мнение, что двадцатибалльная система появилась специально для того, чтобы оценивать письменные работы. Нормальный здешний объем «контрольной» — 5 пунктов: 2 задачи (физика и химия) и 3 вопроса. По 4 балла на каждый пункт. В физзадаче — 4 пункта решения, то есть по баллу на пункт. В химзадаче — 2 формулы, по 2 балла. Три вопроса имеют, конечно, подвопросы. Предположим, 4. Итак, все распределено. С такой шкалой учитель может проверить 40 контрольных работ за 40 минут. (Сам пробовал.)

Эрго: 20 баллов свидетельствуют о том, что контроль знаний учеников производился и производится в основном по письменным работам. Но это не единственный вывод...

Я заметил, что ребята — в большинстве своем неплохие ораторы (послушайте, как они выступают на митингах и собраниях ЮЖЕЕК — Союза студентов и школьников) — не умеют логично строить ответ на уроках точных дисциплин. Их же «композисьоны» без изъяна. Почему? Учат наизусть!

При устном ответе картина резко меняется. Один побочный вопрос — и ученик сбивается и не может его обосновать, используя те законы, которые блестяще цитирует наизусть. Слабо развито аналитическое мышление.

С первого дня я стал потихоньку вводить устный опрос. Процесс оказался весьма болезненным. Ученики бунтовали. Так длилось три месяца. А сейчас — вот они, мои «бунтари». И на их лицах отразился напряженный труд мозга. Идет работа.

20 марта, среда

Вот и кончился мой третий трудовой «триместр» в лицее. Уже два часа в кабинете инспектора Ля Пика идет педсовет: присуждаются премии лучшим, выводятся «средние» оценки, обсуждаются кандидаты на продолжение учебы и, увы, на исключение за неуспеваемость.

Инспектор устало (он болен) читает:

— Второй класс С-9. При д'экселянс[1] — Мампасси Проспер.

Способный парень этот Мампасси. Он ходит изучать русский язык в Культурный центр при нашем посольстве. Хочет поехать в Москву, поступить в Университет дружбы народов. Надо будет подготовить его по физике и математике. (Не забыть подобрать десятка три задач на закон Ома для полной цепи.)

— Приз за трудолюбие — Матета Адаму...

Между нами — французскими и советскими преподавателями — не раз происходили горячие словесные баталии. Чего мы только не обсуждали! Спорили о судьбах Африки и Конго, говорили о джунглях и о своих встречах со змеями. Но был среди этих вопросов один настолько дикий, насколько понятны и ясны причины, породившие его.

Речь идет о «неполноценности» черного ученика. Я беру это слово в кавычки; я — учитель и имею на это право. Конечно, европейский ребенок развивается в более «научной», если можно так сказать, среде: телевидение, радио, образованные родители, кружки, подготовительные группы в детских садах. У черного ребенка очень часто такой среды нет. И работать с ним, безусловно, труднее. Но дайте ему достаточное количество информации, и можно быть уверенным в том, что он догонит своего европейского одногодка.

Вот идет педсовет. Учителя, в большинстве французы, только что присудили высший приз за работу ученику-конголезцу, хотя в этом же классе, на соседних партах, сидят дети-французы.

За годы работы в Африке я приобрел немало приятелей-французов. Среди них было много хороших преподавателей, и я отдаю должное их знаниям и опыту. Но...

Жан Массоян, маленький чернявый марселец, приехал на два года преподавать в Конго не совсем по доброй воле. У него призывной возраст, и перед ним был поставлен вопрос: либо иди на два года в армию, либо... на два года преподавать в бывшую колонию. Эту категорию преподавателей мы здесь называем «милитеры», то есть «военные». Я не сомневаюсь в их трудолюбии, но чему могут научить люди, не имеющие высшего образования, люди, не имеющие понятия о методике преподавания? Они действуют по принципу — кто во что горазд. Впрочем, я отвлекся...

Педсовет закончился. Я доволен «средним» баллом моих учеников по физике. Хорошо бы на будущий год заполучить их снова и довести все мои классы до выпуска! Наша работа, работа преподавателей, сразу не видна. Но, может быть, я еще встречу кого-нибудь из моих бывших учеников, того же Мампасси или Матета, в Москве или узнаю, что они обучаются в институтах Франции...

Завтра в лицее торжество: речь, посвященная окончанию учебного года, которую произнесет в присутствии министра национального образования мадемуазель Мари-Франс Мишели, преподаватель французской литературы, награждение лучших учеников ценными подарками и т. д. и т. п. Это будет завтра.

А сегодня вечером в спортивном центре Баконго — волейбольная встреча между командой клуба «Интернасьональ» и сборной посольства СССР в Конго. Я очутился в составе сборной.

Бетонная площадка окружена толпой, по-африкански темпераментно реагирующей на все перипетии борьбы. Счет партий 2 : 2, и в пятой мы проигрываем одно очко.

«Интернасьональ» — по существу, сборная страны, ее тренирует Хайям Зульфугаров из Баку. Но сегодня он играет за нас и в свои сорок три вытворяет в защите чудеса.

Среди зрителей и мои ученики, и, конечно, они болеют за своих, то есть за наших противников. В тот вечер мы проиграли, хотя лично я считаю себя победителем. При счете 13 : 14, когда рев толпы доносился, вероятно, через реку до Киншасы, а мяч ошалело метался с одной площадки на другую, я услыхал знакомые голоса моих ребят, скандировавших: «У-ков! У-ков!» Моя фамилия, переиначенная на французский манер, носилась под сводами несуществующего зала! Ну чем не лужниковский клич: «Шай-бу! Шай-бу!»?

Не знаю, поняли ли этот крик другие, но для меня он был не только громогласным призывом «вперед!», он говорил мне, что в сердцах этих ребят нашлось место для их советского учителя...

8 апреля, четверг

Имфондо — селение в джунглях, в тысяче километрах от Браззы. Четвертый градус северной (почти что холодно) широты. Весь район, называемый дистрикт Ликуала, — сплошной массив джунглей и болот. Плотность населения на километр в Ликуале значительно уступает количеству змей и комаров на один квадратный сантиметр.

Мы со Славой Деревянко (химик) живем на железобетонной «вилле», у которой две особенности: ее крыша из оцинкованного железа постоянно трещит, нагреваясь под почти перпендикулярными лучами экваториального солнца, а из окрестного «бруса» (жаргонное название джунглей) в нее регулярно заползают змеи.

Сейчас сезон дождей. Убанги вздулась, посадочную полосу размыло, и самолеты не прилетают. Так что почта приказала долго жить...

Уезжая из Браззавиля на новое место работы, я прихватил в Культурном центре посольства киноустановку «Украина» и десятка полтора фильмов. До вчерашнего дня, пока нам не раздобыли движок, все это богатство плесневело без применения. Но вчера...

Мы, Лариса, Толя, Слава и я, единственные русские на весь огромный дистрикт, решили отметить годовщину Владимира Ильича Ленина.

Когда делали стенд, Самохвалов руководил («Я, — говорит, — люблю руководить!» Еще бы, он главврач и здесь, и у себя в Пензе), а Лора, его жена, Славка и я исполняли все остальное: делали стенд. Теперь стенд висит у здания администрации дистрикта, вызывая любопытство местных рыбаков.

Был уже поздний вечер, когда мы его закончили, и Лора, растягивая по-пензенски слова, пропела:

— Толь, мы в кино-то пойдем?

Наш руководитель, как положено руководителям, был лаконичен:

— А то как же...

У почты — мы выбрали ее для «кинозала», потому что это было единственное более или менее белое здание в поселке, — толпа. Кино в Имфондо! В городке, где никогда не было электричества. Неслыханное дело!

«Украину» поставили на «тойоту», госпитальный грузовичок, а движок оттащили к реке, чтобы не заглушал звук. Я, возвышаясь в кузове над темной массой людей, крутанул переключатель, и в Имфондо, в джунглях Ликуалы, открылась Неделя советского кино...

Месяц спустя я записал следующий рассказ Ларисы Самохваловой, врача-педиатра, о том, как проходила демонстрация кинофильма «Александр Пархоменко» (записал, конечно, с сильными сокращениями).

«...Жителей пришло видимо-невидимо. Комиссар дистрикта даже ругался потом, что заняли единственную в Имфондо дорогу — ни пройти, ни проехать. Смотрю: только начали показывать, подъехала машина, а в

[1] *При д'экселянс — приз, присуждаемый ученику, имеющему высший «средний» балл по всем предметам.*

«Два года на берегу реки Убанги я напевал: «Вот моя улица, вот он, мой дом...»

ней — французы: Бернар Лё с женой, коммерсанты и отец Даниель из католической миссии. Тихо-о-нечко так остановились и смотрят.

Володя сверху, как комментатор Озеров, поясняет происходящее. Одной рукой аппарат крутит, а в другой — микрофон.

...Тут Пархоменко к анархистам в бронепоезд пришел. Стал агитировать их, чтобы они за Советскую власть воевали. А я и думаю: «Как же конголезцы поймут-то, что там происходит, где большевики, а где враги?»

А Володя, видно, забыл, что не на уроке, и говорит: «В прошлую пятницу на перемене я рассказывал вам, ребята, о большевиках и меньшевиках. В фильме вы встречаетесь с анархистами. Анархизм — одно из политических течений, которое препятствовало развитию революции...»

И вот когда стали показывать, как анархисты связывают Пархоменко, весь «зал» стал возмущаться и что-то кричать по-своему: разобрались, что к чему.

А когда красная конница в атаку пошла, в «зале» такое поднялось!.. Девчонки визжат, взрослые жестикулируют, а мальчишки так и машут руками — точно саблей...

Все потом просили еще раз показать «Пархоменко», так было еще два сеанса в Имфондо и один в Донгу, за шестьдесят километров.

Правда, тогда и нам с Толей досталось: двух девочек в темноте змея покусала, и мы их потом всю ночь откачивали. Слабенькие больно были. Пришлось стимуляторами поддерживать. Выжили девчушки».

4 февраля, пятница

Толя и Лора Самохваловы... Великолепные специалисты, отличные товарищи. Я рад, что жизнь меня столкнула с ними именно в этот нелегкий период.

В госпиталь привезли женщину. Сагэ — охотничье копье с широким наконечником — прошило ее насквозь. Я был в операционной в качестве переводчика-ассистента и видел Толины руки в работе...

Помню, когда из Имфондо навсегда уезжали кавалеры «Ордена конголезской Славы» — врачи Самохваловы, — почти все население вышло к самолету. Люди провожали тех, кого они два года называли «мой доктор». А та, буквально сшитая искусной иглой Толи женщина, положив к их ногам цветы, прижалась к его плечу и плакала, плакала... Так расстаются только с самым дорогим человеком.

Через неделю после отъезда врачей на Родину у моего дома затормозил велосипед, и взволнованный старик начал что-то торопливо объяснять на лингала нашему повару Альфонсу. Я разобрал только слова «мой доктор».

— Что он говорит, Альфонс?

— Говорит, что умирает его дочь. Говорит, патрон, что вы — друг доктора. Он очень просит вас поехать.

Я не мог не поехать. Когда мы пришли в хижину, кризис у девочки уже миновал. Это была малярия. Я отдал старику нивакин, который всегда носил с собой, потому что сам болел этой болезнью, и, не дослушав слов благодарности, ушел.

21 марта, суббота

Путешествуя на пироге в верховьях реки Мотаба, притока Убанги, где мы со Славой во время каникул охотились на слонов и кайманов, я записал несколько историй и поверий. Вот одна из них, рассказанная Паскалем — старейшиной деревни Лиганга.

КАК ПИГМЕИ ОХОТЯТСЯ НА СЛОНОВ...

Слоны спят стоя, привязываясь, будто веревкой, своим хоботом к стволу дерева. Они отыскивают места попрохладнее в самой непроходимой чащобе и отдыхают там в жаркое время сиесты. Хорошо слону, приятно, и он ослабляет свое внимание.

Этим «благолепием» в слоновьих сердцах и пользуются пигмеи бабинга. Неслышно, как духи, которым они поклоняются, крадутся бабинга к прикорнувшему гиганту. В руках — только копья сагэ. Но эти сагэ пропитаны ядами самых страшных африканских змей.

Подкравшись, они начинают кружиться у ног-столбов, опутывая их лианами. Ничего не подозревающий слон стреножен, и вот самый лучший и ловкий охотник племени скользнул под брюхо животного, в котором что-то урчит и бормочет, как в действующем вулкане. Охотник пригнулся, и страшное сагэ вонзается в брюхо. Ужасающий рев оглашает джунгли. Ничего не осознав спросонок, раненое животное падает на колени, отрезая охотнику все пути к отступлению. Пигмей сжался под слоном, он весь уместился в этом небольшом пространстве между брюхом и землей. Наконец раненый великан догадывается, что причина его невыносимой боли где-то под ним, и, просунув хобот между ног, он начинает нащупывать своего противника. Охотник знает, что если животное найдет и вытащит его, то расправа будет мгновенной.

Но даже такие великаны, как слон, имеют свои «слабости». Охотники испокон веков, пигмеи прекрасно знают, что слон пугается, если кончик его хобота касается чего-то такого, что он не может увидеть. Слону становится страшно. Так вот, потерявший всякую надежду на спасение охотник и применяет это последнее средство: он прикасается пальцем к кончику могучего хобота. Слон испуганно отдергивает его и на миг приподнимается. Этого вполне достаточно, чтобы охотник успел выскочить на свободу.

...И КАК ЭТО ДЕЛАЕТ МЕНДЕЛЕ[1]

В 6.00 вышли за слоном. Паскаль, два пигмея-проводника, мы со Славкой и мадам

[1] *Менделе* на лингала — «белый человек».

Николь, женой француза, профессионального охотника за крокодилами.

Прекрасный вид открылся нашему взору, когда мы плыли на пироге к слоновьему озеру. Между многочисленными островками и берегами реки, на огромном золотистом песчаном пляже сотни и сотни птиц всех видов дремали. В «бруссе» — полумрак и лишь изредка попадаются светлые окна в непроницаемой для солнечного света зеленой крыше.

Наши проводники-пигмеи делали все возможное и невозможное, чтобы найти слона: щупали землю, мяли прошлогодние листья, нюхали воздух. Наконец, один из них уверенно повел нас по более или менее свежим слоновьим следам. «Там!» — указал он пальцем на непроходимую стену зелени. Я взвел курок карабина, заряженного разрывным патроном, и мы почти на четвереньках поползли мимо трехметрового термитника.

Внезапный шум впереди, и пигмей, подскочив на полметра от испуга, бросился мимо меня в обратном направлении. Растерявшись, я дергаю спусковой крючок, и страшный грохот раскатывается по «бруссу». Я остолбенел от неожиданности, а когда оглянулся, мои спутники с круглыми от страха глазами оказались на самом верху термитника. Стихавший треск удостоверил нас в том, что «слон» совсем не жаждал встречи с нами.

После осмотра места происшествия выяснилось, что здесь отдыхала горилла.

7 июня, воскресенье

На обеденном столе стоят раскрытые чемоданы. Пришел день прощания. Мы возвращаемся домой.

Четыре года каждый день с 17 до 18 часов я слушал «Маяк», и это была зачастую единственная нить, которая в течение целых недель связывала меня с Родиной.

Четыре года... Да что там вспоминать! Многое произошло за эти четыре года. И хорошего и не очень, но незабываемого.

В дверь стукнули:

— Вам пакет из дистрикта, мсье.

«Мсье и мадам Укôв приглашаются на аперитив, который состоится в администрации дистрикта сегодня в 17 часов. Аперитив устраивает камарад правительственный комиссар в честь отъезда камарада Укôва из Имфондо на Родину.

Правительственный комиссар
Тимоте Нкунку».

...На крытой веранде комиссариата собрались люди, с которыми я жил и работал два последних года. На столах стаканы с пивом и лимонадом. Мы стоим в центре и волнуемся. Комиссар какой-то непривычно торжественный и значительный.

— Дорогие друзья, сегодня мы прощаемся с советскими товарищами, которые в течение двух лет, живя и работая здесь, в Имфондо, оказывали помощь Конго, нашему народу... Мы не можем просить их остаться с нами еще. Четыре года в Африке — это, безусловно, нелегко для людей, родившихся на севере. Мы не говорим «прощайте» нашим советским товарищам, мы скажем им «до свидания» в надежде, что, может быть, через несколько лет они приедут к нам. Расставаясь, мы хотели бы преподнести советскому камараду сувенир.

И он вручает мне, хитро улыбаясь, бивни слона, наверняка зная о моей бесславной охоте.

Много теплых слов выслушал я в этот день. Эти люди с их радостями и бедами стали частью моей жизни. И я уверен в том, что, если мне посчастливится еще раз приехать в эту ставшую мне близкой страну, я найду здесь друзей. И мы скажем друг другу: «Мботе, колеле? — Здравствуй, как дела?»

Браззавиль — Имфондо — Москва

Приятельский человек Анатолий Егоров

РАЗГОВОР С «ДУАЙЕНОМ ХОККЕЙНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ»

Год назад, 4 февраля 1972 года, в Саппоро, на XI зимних Олимпийских играх, проводились квалификационные матчи хоккеистов. Три пары команд оспаривали в этот день право выхода в главный турнир, где и разыгрывались медали Олимпиады. И если финны легко выиграли у команды Норвегии — 13 : 1, то в двух других матчах борьба была необычайно напряженной. В конце концов хоккеисты США все-таки одолели своих соперников из Швейцарии — 5 : 3, а сборная Польши...

Польские мастера встречались с сильной командой ФРГ. Матч складывался трудно. 16 минут провела команда Польши в неполном составе, польские хоккеисты оставались на площадке даже втроем против пятерых соперников, однако они все-таки выстояли и гол им так и не забили.

Итак, первый период — 0 : 0. А в начале второго сборная Польши добилась успеха — Токаж с подачи Шованича открыл счет. Затем с интервалом в три минуты Зентара и Словакевич забрасывают еще две шайбы в ворота команды ФРГ. В третьем периоде тот же Словакевич ставит последнюю точку в матче. Победители вошли в компанию избранных.

Едва прозвучал финальный свисток, как польские хоккеисты бросились к тренеру. Именно ему первые поздравления, первые слова благодарности. Это вполне естественно. Необычным в этой ситуации могло показаться лишь одно обстоятельство: старшим тренером польской команды был советский спортсмен Анатолий Александрович Егоров.

Мне давно хотелось поговорить о том, как сложилась тренерская судьба Егорова в Польше, с моим давнишним приятелем и коллегой Стефаном Жешотом. Мы встречались с ним на многих крупнейших турнирах и чемпионатах мира — в Стокгольме и Берне, Женеве, Праге и Москве, виделись в Вене и Гренобле, так что я уже и не помню сейчас, когда же мы познакомились. Несколько раз польский журналист вспоминал об успехах советского тренера. Да и не только он — во время встреч в Польше с другими спортивными обозревателями я неизменно слышал лестные слова о работе Егорова. Однако была одна причина, по которой разговор о Егорове с Жешотом, заместителем редактора газеты «Пшеглонд спортовый», представлял особый интерес. Дело в том, что Стефан избран председателем комиссии АИПС по хоккею. АИПС — Всемирная ассоциация спортивной прессы, а потому мои коллеги часто шутят, что Стефан — дуайен, старейшина хоккейной пишущей братии, и его мнение, как говорится, имеет особый вес.

Разговор наш состоялся, и я готов его привести. Но прежде мне хотелось бы отметить одну немаловажную деталь. Мы говорили о технике и тактике в хоккее, об атлетизме и игровой дисциплине. В общем, это был обычный «спортивный» разговор. Но в то же время мы говорили о том, насколько эффективна взаимопомощь социалистических стран и как велико значение высокой квалификации тех, кто берет на себя ответственность быть «передатчиком» лучшего опыта. Причем справедливость этой мысли можно проследить не только на примерах экономического и культурного сотрудничества, но и спортивного.

Дело в том, что современный спорт по своей внутренней структуре и организации, по проблемам, которые он выдвигает, по уровню знаний, которых требует, стал чрезвычайно сложным явлением. Чтобы достичь рекордных результатов, требуются соединенные усилия педагогов, врачей, физиологов, специалистов-организаторов, психиатров, инженеров. Сейчас спорт — это не только соревнования, но и научные конференции, семинары, на которых ведущие специалисты делятся опытом, это переводы солидных научных и учебно-методических пособий и приглашения специалистов из-за рубежа.

Советский Союз — великая держава, великая в том числе и в спорте, а потому мы оказываем помощь нашим зарубежным друзьям не только в возведении гигантских плотин и современных заводов, освоении недр Земли и сооружении больниц, госпиталей, школ, университетов, но и в подготовке высококлассных спортсменов и спортивных команд.

Генеральный секретарь Высшего совета африканского спорта Жан-Клод Ганга говорил: «Мы высоко оцениваем вклад советских экспертов в развитие африканского спорта. Наш совет заинтересован в том, чтобы советские специалисты принимали участие в спортивных семинарах, привлекались к нашей работе в качестве консультантов».

Все, очевидно, помнят, с каким успехом выступили на XX Олимпийских играх в Мюнхене спортсмены Германской Демократической Республики, помнят великолепные достижения гимнасток Карин Янц и Эрики Цухольд. И на фоне этих успехов особенно приятно вспомнить слова президента спортивного гимнастического союза ГДР М. Эвальда: «Без Украна не было бы гимнастики в ГДР». Эта оценка показывает, как велик вклад нашего спортивного специалиста профессора М. Украна в становлении гимнастической школы ГДР.

— Заслуга Егорова, — это говорит уже Стефан Жешот, — не только в том, что он вывел нашу сборную в шестерку сильнейших. Заслуга его в том, что он сделал для всего польского хоккея. Я бы выделил три главных направления в работе Егорова.

Первое: он сумел внушить молодым людям, увлекающимся хоккеем, необходимость серьезного отношения к делу. Дисциплина в сборной команде просто замечательная — я говорю не только о внешней, так сказать, дисциплине, элементарном порядке (Егоров для хоккеистов — непререкаемый авторитет, и слово его — закон), я говорю о стремлении спортсменов строго и неукоснительно выполнять тактический план игры, разработанный тренером, подчинять свои действия коллективной идее.

Второе: Анатолий Егоров многому научил наших спортсменов. Я разговаривал едва ли не со всеми игроками, и они единодушно подтверждают это мое впечатление. Это касается и техники, и атлетической подготовки. Не менее полезными оказались и тактические уроки. Примеры? Пожалуйста. Теперь защитники никогда не бросятся за нападающим соперника, владеющим шайбой, если тот идет за наши ворота. Они знают, что он неопасен, что реальную угрозу представляют лишь те форварды противника, которые дежурят на «пятачке» перед воротами, и потому сейчас польские хоккеисты тактически грамотно строят оборону. И еще. Помните, как играли прежде крайние нападающие? Тактическая беззаботность — вот как определил бы я их действия в те минуты, когда наша сборная переходила к обороне. Они неохотно, не особенно поспешая, возвращались назад и мало помогали своим партнерам в защите собственных ворот. Теперь же принцип «пять в атаке, пять в обороне» стал главным в построении игры польской сборной.

И наконец, третье, самое важное, что сделал Егоров для нашего хоккея, хотя это, безусловно, и выходило за рамки его непосредственных обязанностей. В среднем две недели в месяц, то есть каждый второй день, советский специалист работает в клубных командах. Его знают не только варшавяне, но и спортсмены Кракова, Катовиц, команд Поморья. Популярность Анатолия у нас чрезвычайно велика.

Работая в различных клубах, Егоров получает возможность не только отбирать лучших в национальную команду, но и заниматься со многими хоккеистами, тем самым он способствует повышению класса всего польского хоккея. К тому же два раза в год проходят общие встречи тренеров ведущих команд, на которых обязательно выступает старший тренер сборной.

Ты знаешь, — заключил Стефан, — в рассказе о Егорове не обойтись еще без одного штриха. Анатолий необыкновенно скромный, милый и приятный человек. (Точнее, Стефан сказал «приятельский». Слово получилось неожиданно емким и точным, так что выкидывать его из «песни» просто грех.) По-моему, Егоров исполняет у нас в Польше еще одну функцию — я говорю о том вкладе, который он вносит в укрепление нашей дружбы.

Его тренерский авторитет велик, несомненен, но Егоров ни в каких ситуациях не навязывает своего мнения. Старается быть в тени. Старательно избегает журналистов. Я однажды сказал Егорову, что пишу о нем, так он настоятельно просил выполнить одну его личную просьбу — ничего не писать...

«Конечно, в хоккей играют настоящие мужчины... Но под руководством настоящих тренеров».

Анатолий Александрович приехал в Польшу, имея достаточно солидный стаж тренерской работы. В сущности, его «путь к себе» начался два десятка лет назад, когда он еще выступал за команду московского «Динамо». Егоров был центральным нападающим и отличался склонностью к комбинационной игре. В составе столичного «Динамо» в 1954 году стал чемпионом СССР. Именно тогда, тренируясь под руководством одного из крупнейших специалистов своего дела — Аркадия Ивановича Чернышева, — он и брал первые уроки в трудной науке тренерства.

Позже Егоров перешел в московский «Спартак», и в этом клубе он попробовал себя впервые в роли спортивного наставника. Затем работал с молодежной сборной страны, с рижским «Динамо», а в 1967 году вместе со своим однофамильцем Владимиром Егоровым готовил первую сборную СССР к московскому международному турниру. Когда польские спортивные организации попросили прислать тренера-специалиста по хоккею, выбор пал на Анатолия Егорова.

Теперь мы знаем, что выбор оказался удачным. Там же, в Саппоро, руководители польской делегации обратились к советским коллегам с просьбой продлить срок пребывания Егорова в Польше.

Десятки советских спортивных специалистов трудились и трудятся за рубежом, всех здесь перечислить просто невозможно, и потому я хотел бы напомнить хотя бы о тех, кто работает и работал с хоккейными командами. Владимир Егоров тренировал «Напшуд» из польского города Янова, Евгений Бабич и Юрий Волков шефствовали над хоккеистами ГДР, Юрий Морозов и Валерий Никитин — над австрийскими мастерами хоккея, Вениамин Александров возглавляет команду ЦСКА из Софии, Евгений Майоров работал в Финляндии, сейчас туда поехал Владимир Юрзинов, там же, в Суоми, занимался с хоккеистами Николай Карпов, который позже тренировал к Олимпиаде в Саппоро японскую сборную.

Наши тренеры — желанные гости за морями-океанами. Об этом говорят и отзывы местных спортивных авторитетов и прессы, об этом говорят и результаты команд, подшефных наших тренеров. Понятно, что журналисту вообще негоже упускать возможность побеседовать с такими людьми, как Анатолий Егоров, — им есть что рассказать и о себе, и о новых друзьях, и о любимом спорте. В последний раз я встретил героя этого очерка на встрече нашей сборной с канадскими профессионалами. Анатолий Александрович отнекивался от встречи, что называется, до предела. Наконец сговорились-таки на послезавтра. Послезавтра он, конечно, скрывался от меня. Наверное, где-то на галерке стадиона наблюдал за игрой.

Ну что ж, раз уж нам не удалось в тот раз поговорить, будем и мы наблюдать за успехами тренера А. А. Егорова...

О. СПАССКИЙ

Школа как школа, урок как урок... Синий глобус в углу, рекомендованная медиками классная доска зеленого цвета, желтые столики-парты.

Поглядывают на меня школяры смешливо, фыркают: пришел здоровенный дядя, влез за парту, как маленький, сидеть дяде, само собой, неудобно — конечно, смешно. Со второго этажа, из классного окна, просматривается кучерявость молодого яблоневого сада, гулко стучат по земле яблоки, старшие классы собирают их.

Скрипит, осыпаясь, мелок в руке учительницы; соседка моя по парте, склонив головенку, обремененную огромным белым бантом, размышляет над зловредностью суффикса; рядом, чего-то не поделив, мальчишки с опаской косятся в сторону учительницы и, убедившись, что она занята, обмениваются почти незаметными пинками.

Школа как школа, урок как урок.

Но обернулась учительница — и:

— Роберто и Нестор, будьте внимательней! Армандо, прошу к доске!

Темно-коричневое скуластое лицо Армандо покрывается росинками пота. Армандо уже четырнадцать лет, он самый старший в классе, но Армандо тяжело. Русский язык пока не дается Армандо, и весьма трудно ему рассказать, как положено, своими словами о сложностях жизни Вити Малеева, которому тоже было нелегко как в школе, так и дома...

Правда, дома у Армандо нет. Дом был. В Анголе.

Но сейчас об этом думать нельзя. Сейчас надо разобраться, в чем разница между сказуемым и подлежащим.

Класс сочувствует парню, класс наполняется шелестом подсказки.

Эмиль, Люсинда, Суэль, крохотуля Мария помогают Армандо. Все как всегда. Здесь Парагвай выручает Анголу, и Греция приходит на помощь Венесуэле...

Урок идет в одном из классов Ивановской интернациональной школы-интерната, или просто «Интердома», как привыкли говорить в этом городе.

Наверное, это не могло не начаться именно в Иванове. Нет, в те далекие годы в строительстве Интернационального детского дома приняли участие рабочие и Москвы, и Ленинграда, и Костромы, и маленького Рыбинска. Но именно в Иванове, городе ткачей, одном из центров большевистской революционной мысли, городе, который стал славен первыми маевками и бурными стачками, где лилась кровь в уличных боях первой русской революции, откуда гнали на каторгу сотни рабочих, где во многих семьях слишком хорошо знали по прошлому, что это значит: потерять отца-кормильца, сохранить детей, — именно в таком городе при содействии соратницы В. И. Ленина Елены Дмитриевны Стасовой решение построить детский дом для детей политзаключенных капиталистических стран было принято особенно жарко, как дело, которое кровно касается каждого.

Иначе просто трудно понять, почему в не очень-то щедрый и сытный двадцать девятый и в два последующих года каждая ивановская ткачиха, каждый рабочий города сумели отработать на стройке свои два-три часа, как полнились мопровские кружки полтинниками добровольных взносов, заветными венчальными колечками (нужно было золото, серебро, потому что

За рекой, за талкой

Анатолий ГАЛИЕВ,
наш спец. корр.
Фото Ю. ЕГОРОВА

даже стекло закупали на валюту), как сборы от не очень-то умелых, но яростно-зажигательных спектаклей и концертов клубной самодеятельности, — словом, все, что можно было собрать, шло на «Интердом»!

А потом был незабываемый день, 5 мая 1933 года, когда город двинулся к вокзалу, в знаменах и оркестрах, встречать своих первых иностранцев, первых детей из-за кордона...

Их было сто сорок. Самому младшему — три года, старшему — шестнадцать. Они говорили на двадцати шести языках, но переводчики в тот день не понадобились.

С того дня в город вошла история всемирной борьбы с фашизмом.

Горел рейхстаг — в доме за тихой речкой Талкой зазвучала немецкая речь. Дом принял детей коммунистов-интернационалистов Германии.

Бомбили Мадрид — смуглые мальчишки и девчонки шагали по улицам с вокзала, поднимая руки в ротфронтовском приветствии: «Но пасаран!»

Ушли в подполье немецкие коммунисты, стало тяжко в сломленной Испании, и тень печали коснулась русского города.

И пока не настали лучшие времена, ребята «забыли» свои настоящие фамилии. Отцы их и матери вели смертный бой. Они знали: их дети в Советском Союзе, среди добрых людей, в безопасности. Но это должны были знать только они.

...Ушли в 41-м из «Интердома» на фронт и погибли в боях болгары Петро Жарский и Благой Касабов, американский парень Георг, ушли многие.

Сосновый бор рядом с «Интердомом», по которому они любили бродить, сейчас стал чуточку выше. Деревья растут медленно.

Ребятам, которые гоняют мяч под ними, не придется выходить на линию фронта. Но бой за светлое будущее продолжается.

...Паки — очень интересный человек девяти лет, из очень далекой южноафриканской страны, где пока еще не очень весело живется чернокожим, — отличается нравом норовистым, подвижен как ртуть и весьма самостоятелен в поступках и суждениях. Блестя живыми, круглыми, как у мышонка, глазами и ерзая мордашкой, он отстоял передо мной свое мнение о том, что Пеле — лучший футболист всех времен и народов, что лучший способ быть здоровым — обтираться зимой снегом по пояс и лизать сосульки и что лучше всего на свете быть инженером (а что он им станет, лично у Паки нет никаких сомнений). Потом он подумал и сказал шепотом: «Они нас любят. Понимаешь, товарищ?»

Сначала я не понял, кто это «они». И только потом, когда Паки умчался по каким-то своим пацанячьим делам, разобрался, что «они» — это все. Все те, кто бывает в «Интердоме» почти так же часто, как в своем собственном, и те, кто живет и работает здесь, с ребятами.

Все-таки, наверное, хорошо, что дом этот стоит именно в Иванове — городе, где традиционно авторитетна женщина что в своем ткацком труде, что в делах семейных и общественных. Потому что без всяких запланированных встреч нет-нет да и соберется, да и заглянет к «своим» та же всесоюзно известная героиня труда З. П. Пухова или М. В. Куликова, поммастера с фабрики имени Дзержинского, да и другие матери — что знатные, что еще нет — наведываются, женское сердце отзывчиво.

Есть в доме швейная для девчонок, есть учебные мастерские, где стоят станки даже с программным управлением. Вместе с аттестатом зрелости получают девчонки и ребята из Гондураса, Коста-Рики и других далеких стран не столь экзотические, но зато уж крепкие и верные профессии — швеи и токаря.

Но это для начала, для устойчивости в будущей жизни: не поднимешься на эту ступень — дальше будет трудно.

Интердомовцы это понимают, а посему в мастерских, случается, не протолкнешься. Стараются «мастеровые»...

Придумщиков здесь много. Изобрели хитромудрую электроножовку, чтобы сама резала заготовки для болтов — ничего, режет. Раздобыли старую мотоколяску, распилили ее пополам, удлинили корпус, поставили мотор, новые крылья и фары. Спорили до хрипоты, как придать сооружению формы, соответствующие современной автомобильной модели, — на торжественный запуск сбежался весь дом. Сооружение, чихая и коптя, тронулось с места.

А когда какой-то гость, потрясенный увиденным, сказал: «Мне эта штука нравится!» — ему гордо ответили: «Тысячный экземпляр выпустим — будет ваш!»

И все-таки главная наука, которой здесь овладевают дети многих стран, не значится в учебных программах. Дом этот похож на планету в миниатюре. Сидят рядом парень из Португалии и девушка из Гвинеи. Гондурас сражается в шахматы с Колумбией. Вместе с открытием непростого нашего мира ребята и девчонки открывают самих себя. Это неправда, что понимать друг друга и дружить по-настоящему не надо учиться. И именно здесь они учатся этому, здесь рождается подлинный интернационализм, чувство общей судьбы и общей цели. Как знак далекого прекрасного будущего живет этот маленький ребячий мир по законам дружбы и понимания.

Уехали в Волгоград учиться в мединститут анголец Нелумба и парень из Венесуэлы Хосе Торрес — тотчас же взялись за организацию клуба интернациональной дружбы среди студентов. Самые веселые и активные заводилы, участники принципиальных и непростых дискуссий в Университете имени Лумумбы, в других вузах страны — ребята из Иванова...

Человек приезжий (а таким я и был) очень скоро привыкает к необычности этого детдома. Мелькание лиц всех цветов и оттенков кожи, разноязыкий акцент перестает замечаться, уходит ощущение какой-то фестивальности, и за разговорами о школьной программе, о делах насущных и будущих встает облик обыкновенной школы, обычной жизни мальчишек и девчонок, которым от семи до семнадцати.

Но приходит в дом почта, газеты, у приемников собираются интердомовцы, и только тогда — надо увидеть их напряжение, ждущие глаза — понимаешь: да нет в этом доме ничего обыкновенного! Здесь в ребячьих сердцах отзывается болью или радостью тревожный и неровный пульс планеты. Диктор сообщает о новых репрессиях диктатора Стресснера в Парагвае, о новых преследованиях коммунистов — и кто-то, не выдержав, уходит от приемника, потому что там, в Парагвае, остались недожитое детство, отец, мать... Каратели зверствуют в Анголе — яростно сжимаются кулачки.

И уже ничего детского в этих глазах — только боль, только гнев, только печаль...

И тогда понимаешь, что в этих ребятах живет и не уходит память о пережитом.

Паренек из Анголы Мануэль Инглеж — один из тех, кого обычно любят ребята за спокойный характер и справедливость решений, вокруг кого всегда вьются младшие, теряет самообладание, когда говорит о том, что с ним было.

Был лагерь в джунглях на освобожденной от португальских колонизаторов территории. Была школа, где он только начал учиться. Затем как-то прилетел самолет-разведчик, покружился, ушел. Решили было, что разведчик ничего не заметил, но в тот же день высаженный с вертолетов карательный отряд окружил стоянку. Живыми из той школы ушли немногие. Семь дней уводил младших ребят от смерти Мануэль.

Отец и мать его погибли еще раньше.

А сейчас он хочет быть архитектором. Строить.

— Большие белые дома, — сказал он. — И все, что будет надо. Ведь у нас, в Анголе, придется все начинать сначала. С фундамента. И чтоб все было крепко и навсегда.

...Когда в дом приходят новенькие, их встречает милый, добрый человек — учительница русского языка Нина Александровна Никольская. И сколько бы ни было новенькому лет, семь или пятнадцать, первым словам русского языка учит его она.

— Это не так трудно, — сказала она. — Я начинаю с самого простого. Я — человек. Вот дом. Это хлеб.

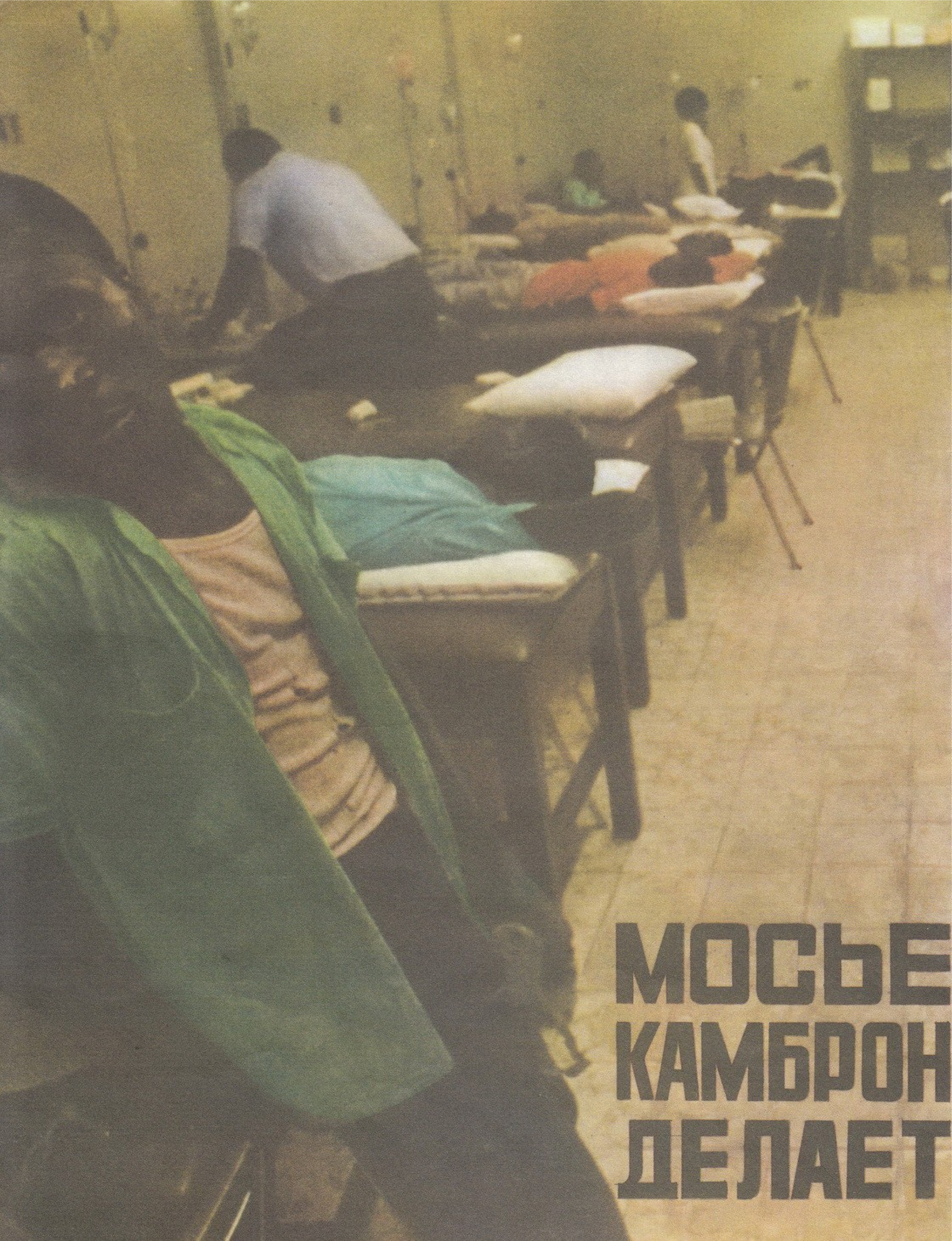
Это, наверное, и вправду просто.
Есть люди. Добрые.
Вот дом. Хороший.
Есть хлеб. Чтобы все были сыты.

...Соседка моя по парте, лукавая малышка Люсинда, стирает с розовой ладошки чернильное пятно, вздохнув, берется за ручку и аккуратно выводит буквы. В черном ее ушке покачивается стеклянная сережка.

Томится у доски Армандо, разбираясь в суффиксах.

Школа как школа, урок как урок...

Иваново — Москва

МОСЬЕ КАМБРОН ДЕЛАЕТ

БИЗНЕС...

Продавать свою кровь — вот чуть ли не единственная возможность не умереть с голоду для жителей самой нищей страны Америки. Репортаж из Порт-о-Пренса, столицы Гаити, итальянского журналиста АНТОНАНДЖЕЛО ПИАННА.

Еще задолго до того, как рассвет встанет над Гаити, на улице Рампар возникает длинная цепочка теней. Мужчины и женщины, старые и молодые, босые и в жалком тряпье, они внезапно появляются из-за угла и молча присоединяются к растущей на глазах очереди. Здесь и матери с грудными детьми на руках, то есть те, кому в этот час следовало бы быть дома, и крепкие еще мужчины, которым сейчас пора было бы спешить на работу. Почти все они неграмотны и забиты; и понятно, что предстоящая встреча с иностранцами в белых халатах их несказанно пугает, но их страх перед голодной смертью еще сильней. Так что в шесть тридцать утра, в час, когда открываются двери больницы, все они здесь. Не уходят даже те, кто оказался в хвосте очереди, хотя им придется выстоять весь день.

Гаити — страна отчаянно нищая. Никакой промышленности, достойной называться этим словом, примитивнейшее сельское хозяйство. Меньше 15 процентов населения умеет читать и писать. Каждые 80 из 100 — безработны или заняты лишь частично. Годовой доход на душу населения — 75 долларов. Средняя продолжительность жизни — 47 лет. Недоедание — их главный бич.

В такой стране три доллара, а именно столько платят на улице Рампар за литр крови, действительно большие деньги. Точнее, платят за литр плазмы — янтарного цвета жидкости, остающейся после удаления из крови красных шариков. Плазма нужна для операций, связанных с переливанием, и ценится за протеин, который, между прочим, богат гаммоглобулином — веществом, с помощью которого побеждают гепатит.

Существуют два обстоятельства, разъясняющие превращение, как выражаются гаитяне, «качания крови» в настоящую промышленность. Во-первых, плазмы остро не хватает в индустриально развитых странах, прежде всего в Соединенных Штатах Америки, Западной Германии и Швеции. Американские доноры поставляют, к примеру, лишь 70 процентов необходимой местной медицине плазмы. Неудивительно, что больницам приходится буквально заманивать обитателей городских окраин и трущоб, хотя — и это известно всем — среди них много наркоманов и алкоголиков, а значит, среди них много и больных гепатитом. Переливание крови больного гепатитом довольно часто кончается смертью оперируемого. Кроме того, в такой богатой стране, как США, даже кровь бедняков стоит относительно дорого; сейчас она «идет» по 8 долларов за литр — на 5 долларов дороже, чем кровь гаитянца.

Во-вторых, ни прошлых, ни нынешних правителей Гаити никогда не смущала моральная, так сказать, сторона сделки. И если товаром может стать кровь их сограждан, тем лучше — была бы при этом лишь прибыль! Порок — родной сын гаитянской истории...

Как известно, эта страна занимает западную часть острова Испаньола, открытого Христофором Колумбом в декабре 1492 года и заселенного впоследствии рабами, привезенными из Африки. В 1697 году контроль над островом перешел от Испании к Франции, а в

1804 году, после кровопролитной гражданской войны в Гаити была провозглашена республика. Однако история этого «независимого» государства вскоре превратилась в историю королей, императоров и просто президентов, большинство из которых было либо убито из-за угла, либо отравлено, либо взорвано «адскими машинами», либо выслано за пределы страны. Каждый глава правительства, предвидя в конечном итоге свою участь, стремился загрести как можно больше денег и по возможности в меньшее время. По этой причине граждан Гаити облагали неслыханными налогами, запугивали всеми возможными способами, шантажировали, а если это было необходимо, убивали или бросали в средневековые казематы форта Деманш. Словом, когда речь шла об изъятии мелочи, еще бренчавшей в карманах нищих подданных, для правителей Гаити не существовало никаких преград. Понятно, что при такой целеустремленной жажде наживы энергии на экономическое и социальное развитие страны не оставалось. Экономисты полагают, что Гаити одна из немногих, если не единственная, страна, которая последние пятьдесят лет постоянно двигалась назад.

Как считают гаитянцы, самым кошмарным вампиром в истории их страны был Дювалье, или Папа-Док, провинциальный медик-параноик, обладавший каким-то странным, колдовским влиянием на людей. Он стал у власти в 1957 году и сразу же превратил Гаити в огромную исправительную колонию с такими условиями жизни для четырех с половиной миллионов ее заключенных, которые едва ли вынесли бы животные. Папа-Док закрыл медицинский факультет местного университета и заменил эту науку магическими ритуалами верований вуду. Из личных «слабостей» диктатора стоит отметить его пристрастие к пыткам: он любил присутствовать или даже принимать личное участие в пытках своих политических противников (в том числе и мнимых). «Судьба гаитянцев — страдание», — говаривал Дювалье, и гаитянцы действительно страдали. Американцы, поощряя антикоммунистические настроения правителя Гаити, выделяли для этой страны щедрые суммы помощи; но настал день, когда и им показалось, что Дювалье перебарщивает, как результат — помощь была приостановлена. Для гаитянцев это, увы, не было драмой: никто из них так и не вкусил от североамериканского пирога. Бо́льшая часть долларов возвращалась в Нью-Йорк, где у Дювалье были счета в банках.

Дювалье правил с помощью собственной частной армии, имя которой — «тонтон-макуты», что в переводе с креольского означает «оборотни». В армии тонтон-макутов не было принято носить униформу, но членов ее тем не менее легко различали: все они были обуты, носили черные очки, шляпу и оружие. Их главной целью было наводить страх на всех и изымать деньги у всех, включая туристов. По этой причине Гаити, одна из прекраснейших стран на свете, стала одной из наименее посещаемых.

Есть много оснований, позволяющих считать, что Дювалье держал себя за бессмертного. Но в позапрошлом году он все же умер. Правда, перед этим он успел изменить конституцию, и согласно новой поправке его сын — двадцатилетний, чрезвычайно толстый и умеренно сообразительный отпрыск — стал пожизненным президентом. Мало того, с помощью матери Симон Бэби-Доку удалось отвергнуть притязания на президентское кресло собственной сестры Мари-Дениз и ее супруга полковника Макса Доменика. Но это был, быть может, последний успех: Бэби-Док остался фигурой лишь представительской. Всю реальную власть взял в свои руки министр обороны и внутренних дел Лукнер Камброн.

Именно министр Камброн распахнул двери перед американской фирмой, занимающейся сбором донорской крови «Гемо Карибиэн», акционером которой — да и что в этом удивительного? — он является. Главным же держателем акций фирмы считают некоего Джозефа Горинштейна. Горинштейн похваляется, что его «Гемо» поставляет в США, Западную Германию и Швецию до шести тысяч литров крови в месяц. Насколько известно, гаитянское правительство никакого дохода с этой торговли кровью не получает. Зато этот доход, и по многим каналам, получает мосье Камброн.

Канал первый: доход от акций фирмы, которая, продавая кровь по 24 доллара за литр, имеет ежемесячную прибыль в 20 тысяч долларов. Сейчас «Гемо Карибиэн» предполагает расширить масштабы своей деятельности и довести число доноров в день с 350 до 850. Канал второй: плазма перевозится в Майами на самолетах компании «Эр-Гаити», принадлежащей все тому же Камброну. Третий канал: утверждают, что доноров заставляют делиться своим и без того скромным «гонораром» с агентами Камброна. Агенты — члены знакомой нам уже террористической организации тонтон-макутов или же новой организации — дворцовой гвардии, носящей имя «леопардов». «Леопарды» прошли школу бывшего сержанта морской пехоты американца Чарлза «Чака» Нила и имеют на вооружении небольшие канонерки, вертолеты и личное автоматическое оружие, приобретенное у «частной», скорее всего связанной с ЦРУ, фирмой. В той запутанной политической ситуации, которая характерна для Гаити, на «леопардов» смотрят как на противовес тонтон-макутам.

Камброн занимается не только кровью, но и трупами. Дело в том, что американским университетам так же не хватает трупов для обучения студентов, как американским больницам крови для лечения. Американцы сравнительно редко завещают университетам свои бренные останки, что, естественно, поднимает последние в цене; в Гаити же трупы, как и жизнь, необычайно дешевы. Агенты Камброна собирают их, замораживают и, наконец, погрузив на борт самолета "Эр-Гаити", переправляют в Майами. Охота за трупами лежит в основе не одной истории, связанной с таинственными убийствами. Власти к таким историям относятся хладнокровно: в конце концов террор всегда был составной частью внутренней жизни страны.

Но Камброн занимается не только кровью и трупами, он имеет отношение и к моментальным разводам — еще одной процветающей «индустрии» на Гаити. Американцы, желающие расстаться со своей половиной быстро и без осложнений, обращаются в любое туристское агентство, где тут же приобретают билет для экспресс-путешествия под названием «Тропики-развод». Они предстают перед гаитянским судьей, а уже через 24 часа высаживаются из самолета у себя дома, свободные как от супруга (или супруги), так и от 825 долларов. На Гаити этим бизнесом занимается туристское агентство «Ибо турс», хозяин которого все тот же мосье Камброн.

Длинная вереница людей медленно вползает в дверь больницы. Врачи и сестры каждому желающему сдать кровь задают неизбежные вопросы о состоянии здоровья, на что получают неизбежные ответы: каждый из пришедших чувствует себя очень, очень хорошо. Спрашивают и о возрасте. Допускаются все от 18 до 60 лет, лишь бы кандидат весил не меньше 52 килограммов и давление у него было бы не ниже 110. Анализ крови — следующий этап — весьма строг. С его помощью отсеиваются все больные, так что кровь остальных, по свидетельству заведующего клиникой австрийца Вернера Тиля, отличного качества и совершенно чиста.

После проверки донора укладывают на одну из 47 тесно стоящих кроватей. Взятый литр крови поступает в лабораторию, где техники отделяют от крови плазму. Остаток вновь вливается в донора. Вся операция занимает не более двух часов, но доноры после этого еле дышат. Многие из них, выйдя на улицу, теряют сознание.

Так как берется лишь плазма, доноры могут приходить на пункт сдачи крови довольно часто — правда, не чаще чем раз в неделю. Чтобы очередные три доллара не смущали покой нетерпеливого донора, на его ноготь наносится специальная несмывающаяся метка. Настоящих профессионалов своего дела, то есть тех, кто ухитряется сдавать кровь каждую неделю, здесь, на Гаити, зовут «коровами», и, по правде говоря, над ними здесь все насмехаются. Что же касается самой «индустрии на крови», то ее никак не назовешь делом шуточным. В Соединенных Штатах, Западной Германии и Швеции уже давно раздаются голоса протеста. «Отбирать кровь у людей, страдающих недоеданием, — преступление, — эти слова принадлежат американскому ученому. — Количество калорий в пище среднего гаитянца — одно из самых низких в мире, и мы должны отдавать себе отчет в том, что организм такого человека после многократной сдачи крови слабеет чрезвычайно. Без протеина, содержащегося в плазме, организм становится беззащитным перед болезнями и инфекциями. Это позор, когда богатые страны в буквальном смысле слова сосут кровь у народов стран бедных и к тому же столь отвратительно управляемых». Как заметил один политический деятель из социалистической партии Швеции, «редко, а может, впервые миру явилась в столь очевидном своем драматизме кровожадная, кровососная натура империализма».

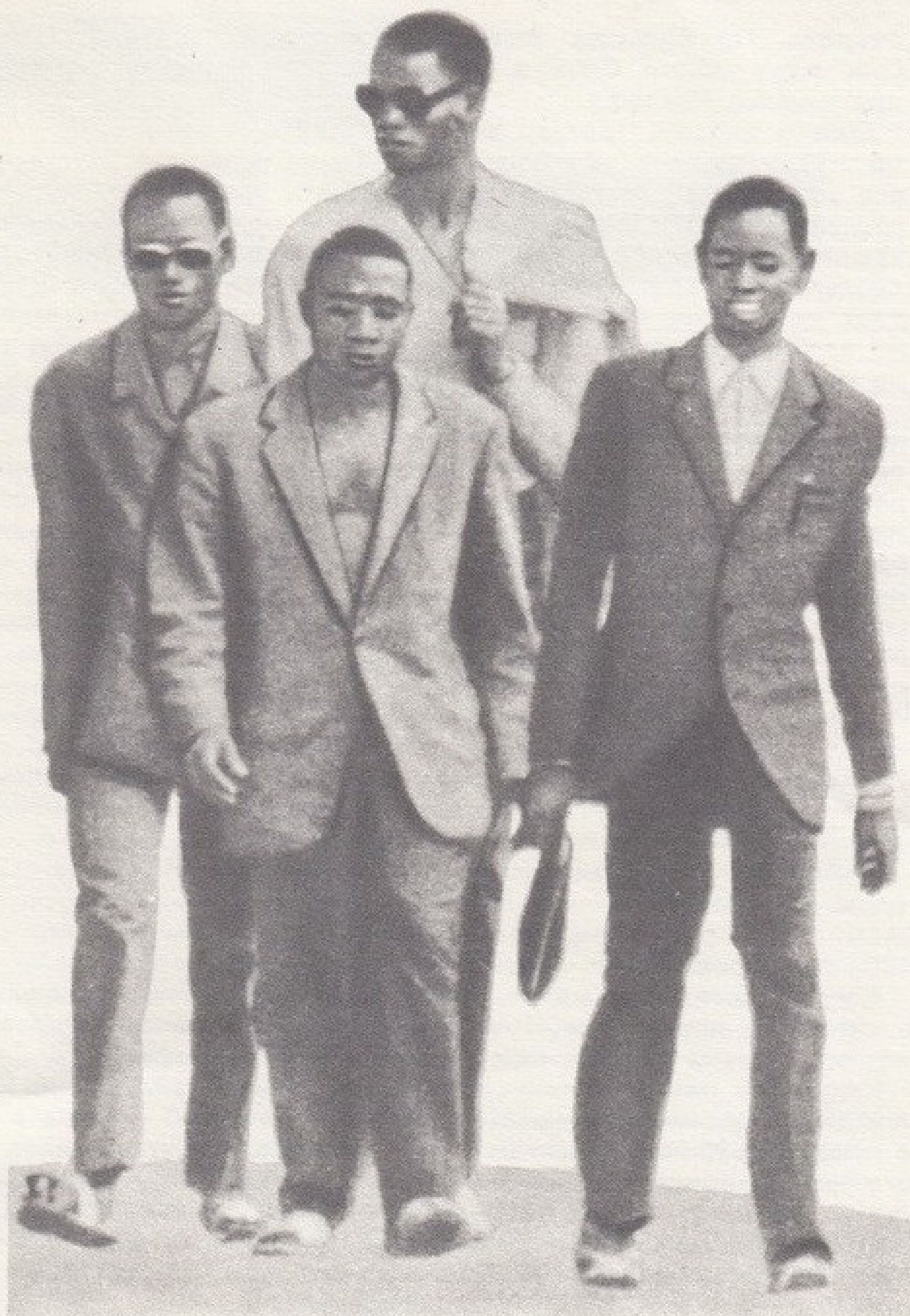
Похоже, все эти выступления мало волнуют мистера Горинштейна или мосье Камброна. «Гемо Карибиэн» переживает настоящий бум. Открыт новый филиал фирмы — в Доминиканской Республике; на горизонте брезжит перспектива закупки крови в соседнем Гондурасе, там литр идет вообще по смехотворной цене — один доллар шестьдесят центов. «Мы хотим стать действительно международной компанией!» Это слова мистера Горинштейна.

Правду сказать, сами гаитянцы тоже вряд ли бы взволновались, услышь они вышеприведенные, полные беспокойства об их судьбе выступления. В десять часов вечера, когда больница закрывает свои двери, на улице все еще стоит длинная очередь несчастных, проклинающих невезение. Завтра им снова возвращаться сюда...

Перевел с итальянского С. РЕМОВ

РАБОТОРГОВЦЫ С УЛИЦЫ ГРИЗИЙОН

Мишель БОСКЕ,
французский журналист

Когда речь заходит о рабстве, в воображении возникают длинные вереницы закованных в цепи мужчин и женщин, которых надсмотрщики загоняют бичами в душные трюмы невольничьих судов. Если после трех месяцев плавания на землю Америки сходила треть рабов-негров, дело считалось прибыльным; если половина — отличным. Проходили десятилетия, века, менялись времена, одно государство за другим официально запрещало рабство (последней это сделала Саудовская Аравия в 1962 году). В 1926 году была заключена международная конвенция о борьбе против рабства и работорговли, дополненная в 1956 году резолюцией ООН, которая осудила практику и учреждения, аналогичные рабству.

И все же рабство существует и по сей день, причем на положении рабов отнюдь не единицы невольников, все еще тайно продающихся в некоторых африканских странах или той же Саудовской Аравии. Больше того, оно выросло количественно, хотя и носит несколько иные, более замаскированные формы. Сегодня в Западной Европе насчитывается, по крайней мере, 10 миллионов «рабов XX века». Раньше их везли из Африки. Теперь к ней прибавились Испания и Пакистан, Турция и Индия, Португалия и Италия. Эти рабы — рабочие-иностранцы, вынужденные в поисках куска хлеба бросать родину и отправляться на чужбину. Одни едут официально, с визами и паспортами, других тайно переправляют «торговцы живым товаром» в трюмах судов, в опечатанных автофургонах и даже на транспортных самолетах.

Общее у них то, что в стране-работодателе они лишены всяких прав и за нищенскую плату выполняют самую тяжелую работу. Жалкие лачуги-казармы в качестве жилья, постоянная унизительная дискриминация и безжалостная эксплуатация — вот их удел. Летом прошлого года на границе между Францией и Италией была обнаружена целая «партия» контрабандного «живого товара»: 59 африканцев везли в опечатанном автофургоне. «Тот факт, что с 10 миллионами людей, как и многие века назад, обращаются как со скотом, похищают и продают их, находится в резком противоречии с современным представлением о правах человека, — справедливо замечала по этому поводу швейцарская газета «Вельтвохе». — Рабство, работорговля, долговая кабала, крепостная зависимость запрещены лишь формально. Возможностей проконтролировать соблюдение этого запрета нет». Дело тут прежде всего не в отдельных преступниках — торговцах «живым товаром» или неразборчивых предпринимателях. «Иностранная рабочая сила, — замечает английская газета «Обсервер», — достигла ныне таких размеров и приобрела такую стратегическую важность для западноевропейской экономики, что ее уже нельзя сбрасывать со счетов как временное явление». К этому стоит добавить, что хозяева используют бесправных иммигрантов не только в экономической, но и в социальной стратегии, стремясь нанести удар по организованному профсоюзному движению рабочего класса.

С. БАРСОВ

Его зовут Роже Сюрже. И он образцовый деловой человек. Начал с нуля, а сейчас, когда ему нет и сорока, у него армада грузовиков-цистерн, завод по расфасовке минеральных масел в Руасси-ан-Франс, в проекте — постройка второго — в Фос-сюр-Мер, и акции нефтяных гигантов — таких, как «Шелл», «Эссо», «Бритиш петролеум», «Пурфина». Но главное — это его агентство по найму временных рабочих — хитроумно задуманное дело, к существованию которого имело бы смысл присмотреться министерству социальных дел.

Закон запрещает предпринимателю передавать на какое-то время своих рабочих другим предприятиям. «Знаю, знаю, — говорит Сюрже, — правильный закон, целиком за него! Но как же тогда прикажете работать, если мы будем придерживаться его буквы?!» Г-н Сюрже имеет в виду, что ремесло предпринимателя, как бы ни были жестки законы, а может быть, именно учитывая их жесткость, требует гибкости, воображения, инициативы. Поэтому Сюрже вот уже несколько лет не только президентствует в «Сюрже и К°», но и «дает взаймы» рабочих.

Правда, Сюрже допускает это «маленькое нарушение» закона только «в интересах самих же рабочих». «Вы понимаете, — говорит он, — упаковка масла по заказам — работа не постоянная: то вам нужно 200 человек, то 60, в зависимости от сезона». А ведь Сюрже «любит» своих рабочих. У него сердце бы разорвалось, если бы они остались без работы. Вот он и придумал «давать взаймы» людей. Так объясняет он сам.

...Если когда-нибудь в половине девятого утра вы прогуляетесь в Женневилье, по улице Гризийон, то у остановки автобуса № 117, что перед филиалом фирмы «Эссо», вы поймете: объяснения Сюрже не совсем точны. Там, на тротуаре, стоит

очередь. По большей части это выходцы из стран Магриба. Они ждут агента Сюрже, франтоватого человека, известного под именем Мустафа.

Одним словом, тротуар перед «Эссо» — своеобразное бюро по найму фирмы «Сюрже и К°». Когда приходит Мустафа, то все происходит быстро и просто здесь же, на месте. Иммигрантам, которых выбирает Мустафа, не нужно предъявлять документы или сообщать свои адреса. Часто они не знают даже, сколько им будут платить. Вместо трудового договора Мустафа дает им клочок бумажки с номером. С ним они отправляются на заводы «Эссо», «Бритиш петролеум», «Шелл», а чаще всего на «САФЕТ», и там говорят: «Мы от Мустафы».

Иммигранта тотчас же ставят на один из десяти конвейеров по производству канистр. Работа там адская. Некоторые конвейеры выдают по 4 тысячи канистр в час. 9 часов ежедневной работы. На каждую операцию две секунды — этим и объясняется, почему «САФЕТ» предпочитает иммигрантов, а среди них временных рабочих. Чаще всего это люди, у которых не в порядке документы, которым неизвестны их права и которые не спорят о зарплате — не рабочие, а золото! Их заставляют работать по 9 часов в две смены, тогда как постоянные трудятся только семь с половиной, оплата при этом одинакова. Иммигрантам не платят премиальных, не выдают спецодежды, мыла. В столовых, где для постоянных рабочих обед стоит 2,45 франка, временным он обходится в 3,90. Их не пускают в душ. «Эти варвары, — объясняет один деятель администрации, — не умеют им правильно пользоваться».

Через две недели приходит Мустафа на завод, чтобы выдать аванс «своим» новичкам. Пройдет еще две недели, и он принесет конверты с заработной платой. В общей сложности 700—750 франков за четыре недели. Попробуй проверь!

Когда иммигранты идут к хозяину и говорят, что полученная в конверте зарплата смехотворно мала, тот отвечает стереотипно: «Я не твой хозяин. Сам разбирайся с Мустафой».

Какую же прибыль получает Сюрже? Подсчитайте сами. Сюрже платит своим временным приблизительно 6,60 франка в час, а продает рабочих клиентам по 10 франков. Он утверждает, что его фирма предоставляет 700 временных рабочих в год. Мустафа же говорит, что их 1300. Предположим, их тысяча. Если эта тысяча работает 50 45-часовых недель в год, то они приносят Сюрже 965 тысяч франков дохода.

Все это продолжается годы. «Неужели ничего нельзя сделать?» — этим вопросом задались сами рабочие-французы, когда на «САФЕТ» была объявлена забастовка. Вернее, 180 постоянных рабочих забастовали, а 70 временных продолжали вкалывать на конвейерах. «Вы что, с ума сошли? — спросили рабочие у профсоюзных лидеров. — Нужно заставить этих ребят прекратить работу. Поручите это нам». Лидеры ответили: «Не стоит. Это временные рабочие. У них другой хозяин. Нас это не касается».

После забастовки молодые рабочие распространили петицию, в которой потребовали, чтобы временным рабочим отпускали в столовой обед за ту же цену, что и постоянным. Большинство постоянных рабочих подписало петицию. Наивные люди, они и не подозревали, что петицию вскоре объявят «левацкой штучкой». Хозяева тут же уволили работницу, распространявшую петицию в прессовом цехе. Рабочие решили протестовать, но им поспешили разъяснить, что они не правы: уволенная просто «плохая работница». Точка — и дело с концом...

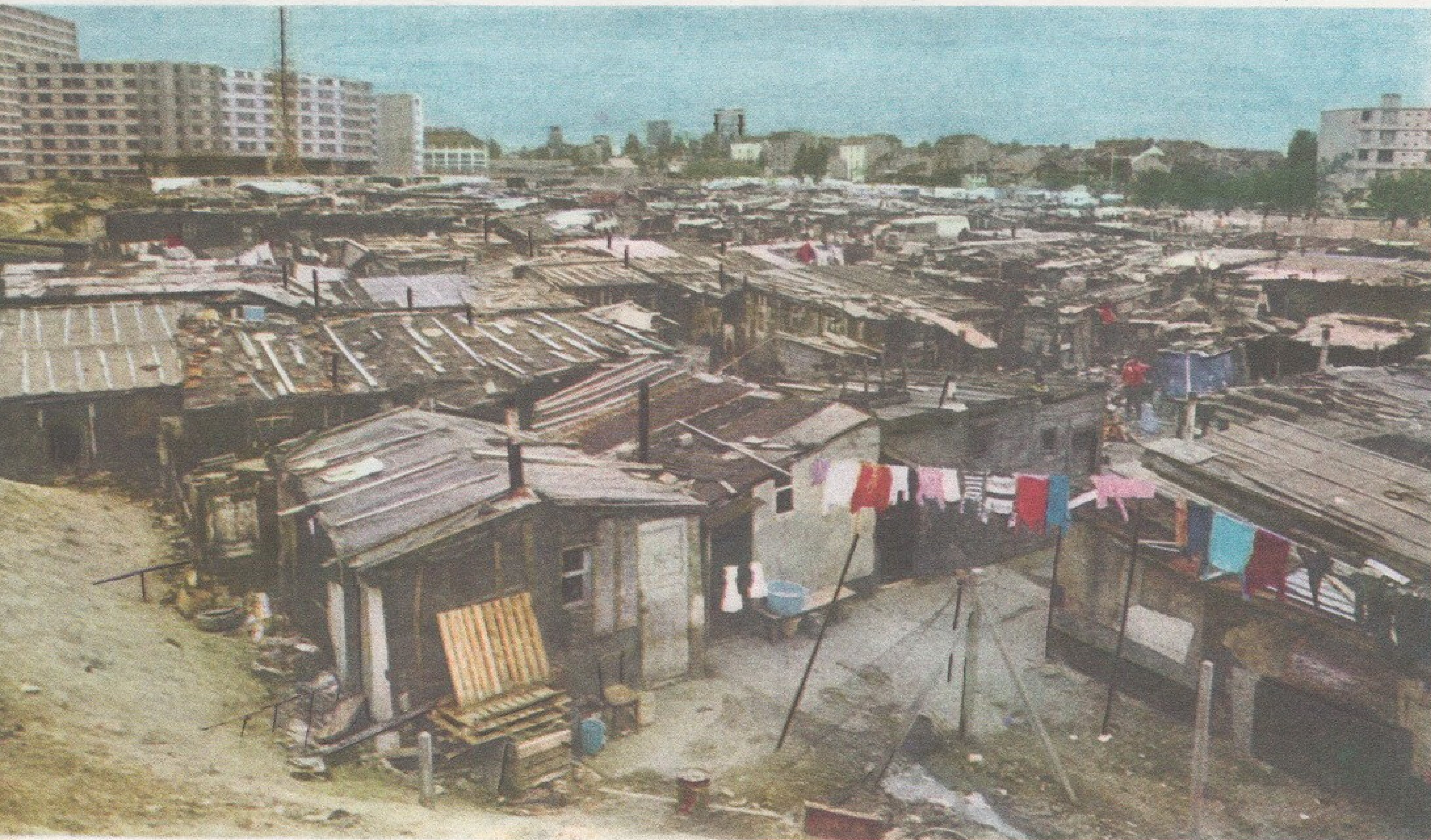
Довольно скоро были уволены и авторы петиции. Тогда-то уволенные и решили провести собственное расследование. Они побывали в общежитии иммигрантов, организовали собрание, основали комитет в поддержку требований рабочих Сюрже и, наконец, передали вопрос о положении иммигрантов на рассмотрение государственной инспекции труда.

21 июня комитет направил в инспекцию труда заказное письмо: «Г-н инспектор! Вот уже четвертый раз мы обращаемся к вам... В субботу 17 июня 25 товарищей приехали издалека на встречу, которую вы же и назначили, но прождали они напрасно...»

После этого письма инспекция прибыла-таки на «САФЕТ». Обычно в таких случаях дирекция заставляла временных рабочих покидать цехи и прятаться за сараем во дворе. Прежде этот нехитрый прием давал возможность продемонстрировать инспекторам, что на «САФЕТ» все или почти что все в порядке. Но на этот раз рабочие заставили инспекцию проявить бдительность. Наконец-то в Руасси было проведено расследование деятельности Сюрже, одного из сотни рабовладельцев новейшей формации.

Ну и что? Сюрже умеет защищаться: он снова откроет агентство в Женневилье. И для этого найдет очередное подставное лицо.

Район Парижа, который не видят туристы: бидонвиль португальских и алжирских иммигрантов.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Аскольд МАКАРОВ,
лауреат Международного конкурса III Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР

Как ни совершенна человеческая память, встреча с прошлым, сохранившимся неизменным в виде пожелтевшей фотографии, заигранной шипящей пластинки, поцарапанных кадров кинохроники или ломкой газетной страницы, всегда поражает удивительными открытиями.

Я убедился в этом, когда по просьбе «Ровесника» попытался восстановить в памяти события III Всемирного фестиваля. Это было летом пятьдесят первого, в столице ГДР — Берлине. Двадцать два года — это, увы, именно двадцать два года, и, честно говоря, я уж и не знаю, что бы мне вспомнилось, если б не «хитрость» сотрудников «Ровесника»: они разыскали старый-престарый номер журнала «Театр» со статьей М. Плисецкой «Неугасимое пламя». Майя Плисецкая была моей партнершей по танцу на этом фестивале.

...Странно смотреть на то, что написано двадцать два года назад. Сравнивая 51-й и 73-й годы, я отметил бег времени, ощутил, насколько возмужал и окреп наш мир, насколько он стал мудрее, разумнее. Конечно, еще во многих уголках Земли творится зло, но ведь и сопротивление ему стало много серьезнее.

На фестивале в 51-м мы много говорили о вторжении американских войск в Корейскую Народно-Демократическую Республику. Тогда агрессию поддержало сколоченное большинство членов Генеральной Ассамблеи, она даже проходила -- как следствие -- под флагом ООН. Теперь же американская (заметьте: вновь американская) агрессия в Индокитае вызвала осуждение со стороны не только международной общественности, но и правительств многих государств.

Говорят, что сейчас, после побед человека в космосе, мир стал как бы меньше, но ведь это значит, что он стал нам и ближе. Нам есть дело до всего, на каком бы конце света это ни происходило. Словно огромная, но вся просматриваемая сценическая площадка, мир как бы высветлился перед нашими глазами.

Конечно, двадцать два года для человека — это немало, но ведь для мира это пустяк. Потому-то тем более поразительны изменения последних лет. Тогда молодое поколение Запада называли «молчаливым» или, в крайнем случае, «сердитым». Для теперешнего — журналисты перебрали чуть ли не все эпитеты решимости и отчаяния. Еще недавно о нем говорили, как о поколении недовольных буржуазным обществом, как о поколении, демонстративно порвавшем с домом, с государственными институтами и вернувшемся к природе, цветам и всеобщей любви. Теперь отрицание буржуазной, капиталистической системы приняло более осознанный, программный характер.

Это замечательная молодежь. Она поражает массовостью своего движения, непримиримостью к любому проявлению зла и насилия. Она пытлива, искренна и отзывчива. Что было тогда, что сейчас — давайте взглянем вместе.

Помню, после одного из наших выступлений на III фестивале к нам подошел молодой негр из одного из южных штатов Америки. Волнуясь, он говорил нам всякие добрые слова, поздравлял с успехом. А потом сказал: «Моя мать умерла от горя после того, как линчевали моего старшего брата. Никогда в жизни ей не довелось увидеть такой «концерт», ни разу в жизни ей не довелось почувствовать уважения одним человеком достоинства другого...»

Расовая дискриминация в Америке — это как раз та сторона жизни ее общества, которая на деле почти не претерпела изменений. Процент безработных как был раньше много выше среди негров, так и остался. Заработная плата как была много ниже, так и осталась.

Верно: за это время убили Мартина Лютера Кинга и Джорджа Джексона (если говорить только о лидерах), но ведь в эти же годы американской реакции не удалось превратить «дело» Анджелы Дэвис во второе «дело Сакко и Ванцетти». Это ли не результат упорной борьбы негров за гражданские права, это ли не результат поддержки их мужества и правоты всеми прогрессивными силами мира?!.

Что было тогда, что теперь?..

Интересно, помнит ли теперешняя молодежь француженку Раймонду Дьен? Тогда весь мир говорил о ее героическом подвиге. Эта маленькая, худенькая девушка с нежным голосом заставила себя лечь на рельсы, чтобы помешать поезду доставить оружие во Вьетнам... Но не похожими ли примерами мужества восхищаемся мы в наши дни?! Вспомните страстные, обличающие милитаризм выступления Джейн Фонда, вспомните американских парней, сжигающих призывные повестки, вспомните национального героя Вьетнама Нгуен Ван Чоя, погибшего в борьбе за освобождение своей родины.

Этим летом состоится X Всемирный фестиваль молодежи. И снова в Берлине. Как все похоже и непохоже. Двадцать лет назад, когда молодежь собиралась в Берлине, мир находился в состоянии «холодной войны». И Берлин не случайно был выбран местом встречи. Еще свежи были воспоминания о недавней страшной войне: об этом напоминали и руины на улицах столицы бывшего рейха. Страна была разделена на две части; и если по одну сторону границы немцы строили принципиально новую жизнь, то по другую ее сторону из Федеративной Республики еще доносились

прежние воинственные выкрики недобитых фашистов. Это было мудро придумано: именно здесь, в Берлине, молодежь всех стран должна выразить свою волю к миру, в Берлине тогда была, быть может, лучшая «акустика» для голосов 26 тысяч посланцев 105 стран.

Наверняка и этим летом на улицах Берлина можно будет видеть и белые чалмы индийцев, и широкие соломенные шляпы мадагаскарцев, и тюрбаны йеменцев, и сомбреро мексиканцев, и бурнусы марокканцев.

Но вы задайте себе простой вопрос: как добирались ребята до Берлина в 1951 году, сколько находчивости и мужества потребовало от них то давнее путешествие. Французам, например, на родине отказали в визах. А когда они все-таки отправились в путь на польском пароходе «Баторий», в порт на их «проводы» явились сотни полицейских с пулеметами и даже танками. Другая группа молодежи, пытавшаяся добраться до Берлина через французскую оккупационную зону в Австрии, была выкинута из поезда вооруженными американскими солдатами. Несколько человек были ранены. Власти Австралии, Сирии, Ливана, Израиля, Италии вообще запретили молодежи своих стран участвовать в фестивале.

Но, пожалуй, труднее всего пришлось делегатам соседней страны — ФРГ. Канцлер Аденауэр объявил участие в фестивале государственным преступлением. По приказу американо-английских властей вдоль всей западной границы Германской Демократической Республики были построены специальные наблюдательные вышки, а дороги перегорожены колючей проволокой.

«Холодная война» выглядит теперь анахронизмом. Соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу сил мира и прогресса, а империализм все чаще занимает оборонительную позицию. Твердолобые политики Запада теперь почти вышли из моды, на их место приходят люди, реалистически мыслящие.

Те далекие дни Берлинского фестиваля теперь выглядят всего лишь эпизодом в жизни его участников. Но в то же время сам фестиваль — славный эпизод в общем движении молодежи, в общих усилиях тех, кого называют прогрессивными силами мира. И если теперь США и их главные союзники вынуждены выступать за созыв общеевропейского совещания, предложенного социалистическими странами, мы знаем, что в этом и наша, участников фестиваля, заслуга! Если сейчас трезвые силы в ФРГ добились, наконец, установления новых в своей основе отношений с социалистической Германией, мы знаем, что этот сдвиг — и наша победа!

Бег времени особо заметен по великим социальным преобразованиям. Таким, как кубинская революция, таким, как поддержка народом Чили правительства Народного единства. Помню, в 1951 году кто-то из чилийцев подарил советской делегации нелегально изданную у них в стране книгу стихов всемирно известного и в ту пору чилийского поэта Пабло Неруды. Теперь Неруда — действительно народный поэт страны, теперь Неруда — полномочный посол своей страны во Франции.

В том же 1951 году Пабло Неруда открыл для себя Советский Союз, советскую молодежь, о которой писал в своем стихотворении «Транссибирский»:

В соседнем купе —
молодой человек
с женой и годовалым ребенком.
Их ждет Сахалин,
где сорок градусов
мороза и одиночество ночи,
но там еще их ждут и металлы,
назначившие свидание геологу.

В то время Советский Союз открывали для себя многие и — я говорю это с понятной гордостью — часто открывали через наше искусство. Наибольший успех на фестивале выпал на долю Государственного русского уральского народного хора, получившего первую премию, хотя, конечно, и другие коллективы и солисты не были обойдены восторженным вниманием. Тут необходимо отметить вот какую деталь: тогда в реакции молодежи, смотревшей танцы наших узбеков, казахов, таджиков, дагестанцев и представителей других народностей, скорее всего можно было заметить удивление. Зрители и сами признавались нам, что они и представить себе не могли, что у этих «диких», как им твердили дома, людей так высок уровень культуры. Теперь это, понятно, этап пройденный: кому нынче не знакомы «Березка», Омский и Северный хоры, Украинский ансамбль бандуристов и узбекский «Бахор», литовский «Летува», молдавский «Жок» и многие другие.

В этой популярности немаловажную роль сыграли и всемирные встречи молодежи. Многих из тех, чьи имена мы читаем на афишах, открыли фестивали.

...Мне вспоминается еще одна встреча на III Берлинском. Я присутствовал при разговоре Майи Плисецкой с одним юношей из Экваториальной Африки. Этот разговор состоялся после исполнения ею «Умирающего лебедя» Сен-Санса. «Мне очень понравился ваш танец,— сказал этот юноша, — танец лебедя, который умирает... Я решил повторить его в Бухаресте, на IV фестивале. Только я хочу показать лебедя, который воскресает. Так будет лучше, не правда ли? Лебедь умирал — лебедь воскресает!»

Наверное, многие усмотрят в этих словах наивность, и с этим я не буду спорить. Я хочу сказать иное: для меня эта встреча стала во многом символом — в ней мне видится и искусство, и вся остальная жизнь, и люди, верящие в лучшее, в светлую надежду. Не знаю, удалось ли тому парню осуществить свою мечту на сцене, в жизни это удалось многим народам...

Выдающийся греческий поэт-коммунист Яннис Рицос под давлением демократической общественности всех стран был лишь недавно выпущен из концлагеря.

Стихотворение «Возвращение» взято из раннего сборника Рицоса «Пирамиды» (1935 г.). Оно пронизано ненавистью ко всему косному и затхлому, что буржуазный мир предлагает молодежи. Стихи Янниса Рицоса неоднократно издавались в нашей стране. В 1973 году издательство «Прогресс» выпускает новый сборник его избранных стихотворений и поэм, куда войдет и публикуемое нами в переводе Мориса Ваксмахера «Возвращение».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Яннис РИЦОС

Срубите кипарис под окном у меня,
Дайте мне выйти солнцу навстречу!
Здесь факелы смрадные вместо дня,
Здесь ряса камнем легла на плечи.

Выйти, премудрую книгу закрыть —
Она мою молодость жадно гложет —
И всеми пóрами солнце пить...
Бутон без света раскрыться не может.

Хрустнул скорпион под моим каблуком.
Русая в поле цветет пшеница.
Я рот раскрываю, я молоком
Из вымени жизни спешу напиться.

Ветерком золотистым над лугом лечу,
Частицей тепла растворяюсь в природе,
Сверкаю росой, улыбаюсь лучу,
Во мне озорная весна колобродит.

Дорога рассветная широка,
Шагаю уверенно и окрыленно,
И с ясного неба чья-то рука
Меня осыпает цветами лимона.

Черные ягоды отправляю в рот —
Радость на вкус отдает ежевикой.
Смутная горечь невзгод и забот
Вдруг в беспредельности тает великой.

Ложусь безмятежно в густую траву
И, приобщаясь к полям и кущам,
Жизнью корней и ветвей живу,
И божеством становлюсь всемогущим.

Настороженно и чутко ловлю
Музыку листьев, стрекоз и света.
Людей люблю и себя люблю —
И благодарен судьбе за это.

Каплями время — за часом час —
Падает в чашу моей ладони.
Синие горы, радуя глаз,
На безмятежном лежат небосклоне.

Сердце сливается с голубизной,
Распространяется шире и шире.
И вот уж весь мир становится мной,
И я — хозяин в бескрайнем мире.

Какое счастье — глазами впивать
Цветы, деревья и краски лета,
И слышать людей голоса, и ступать
По мягкой земле, до нутра прогретой!

Сладким огнем опалило мне рот —
Такого никто не вкушал поцелуя!
Завтрашний день в моих жилах поет,
Над немотою моей торжествуя.

Смеюсь и вдыхаю лучей перезвон...
Но листопада свершаются сроки.
Радостью воздух вокруг напоен,
А нашу радость убили пороки.

Всласть посмеялись над нашей мечтой,
Юную кровь взбудоражили даром,
И за стеклом в чешуе золотой
Рыбка ненужным сверкает пожаром.

Нам в сердце всадили кривой кинжал,
Стремлениям нашим ответствует эхо.
Так кто же солнце у нас украл
И для кого наши розы помеха?..

«БУДУЩЕЕ — НАШЕ!»

В. МАКАРОВ

В одном из старых блокнотов я наткнулся на запись разговора с кубинским парнем, сыном крестьянина. Видимо, желая сделать приятное гостю, он рассказывал мне о моей стране:

«СССР — это страна, в которой жил Ленин. Там построен коммунизм». Потом, после некоторого раздумья, сообщил: «В Советском Союзе живут колхозники и комсомольцы». И наконец: «Юрий Гагарин — первый человек, побывавший в космосе».

Если учесть, что разговор этот происходил более десяти лет назад, станет понятным его несколько неожиданный поворот. Прощаясь, я спросил своего собеседника: хотелось бы ему побывать в Советском Союзе? И услышал ответ: «Родители и жена будут против. Они боятся вас...»

Признаюсь, тогда этот ответ огорчил меня, хотя я прекрасно понимал, что в стране, где еще совсем недавно антикоммунизм был основой внутренней и внешней политики диктаторского режима Батисты, трудно рассчитывать на всеобщее признание идей коммунизма и страны, первой приступившей к их осуществлению.

Сегодня я вспоминаю этот давний разговор лишь для того, чтобы подчеркнуть те огромные изменения, которые произошли в сознании кубинцев за годы народной власти.

Всего десять лет назад первый съезд Союза молодежи Кубы, провозгласив своих членов молодыми коммунистами, поручил им воспитание молодого поколения неграмотной или полуграмотной, зараженной предрассудками полуколониальной страны.

В прошлом году с 29 марта по 4 апреля проходил второй съезд Союза молодых коммунистов Кубы. В Доме профсоюзов в те дни работали с утра до поздней ночи. Девизом съезда были слова Че Гевары: «Настоящее принадлежит борьбе, будущее — наше!» Его настроением — организованность, дисциплинированность и в то же время молодой задор, непринужденность.

...Молодые кубинцы. Взгляните на фотографии, сделанные на Кубе фотокорреспондентом Львом Шерстенниковым (они воспроизведены на I и IV страницах обложки журнала), и вы сами ощутите тот заряд жизненной бодрости, который отличает этих людей.

Но говорить о кубинской молодежи — значит говорить о делах, в которые она вкладывает свои силы, о проблемах, в решении которых принимает участие. Вот примеры.

Куба вполне может обеспечить свое население всеми продуктами питания. Однако долгие годы она была вынуждена ввозить более 30 процентов, а в некоторые годы до 90 процентов продовольствия из Соединенных Штатов. Хотя некоторые овощи выращивались на Кубе в достаточном количестве, их негде было перерабатывать. Ежегодно в США экспортировалось около 11 миллионов тонн помидоров, и почти столько же в переработанном виде импортировалось на остров. Не лучше было положение и в других отраслях хозяйства.

В республике есть провинция — Камагуэй. Огромные площади, пригодные для сахарного тростника, — и безлюдье. Освоить земли — значит получить миллионы тонн сахара, основного богатства Кубы. Именно это задание и было поручено Союзу молодых коммунистов Кубы. Детально разрабатывалась стратегия его выполнения. Создавалась «колонна Столетия», названная в честь столетия освободительной борьбы кубинцев, — около 50 тысяч добровольцев. И уже в первой сафре ребята показали, на что способна молодежь. «Колонна Столетия» стала главной силой в уборке сахарного тростника на сафре 1970 года. Из 86 героев труда страны 73 носили ее форму.

И не только сафра дала молодых героев. Цитрусовые, животноводство, горнодобывающая промышленность, мелиорация — юноши и девушки Кубы везде, где стране нужны молодые руки и беззаветность.

«Быть образованным — значит быть свободным». Слова великого кубинца Хосе Марти стали паролем молодых бригадистов, выступивших в поход за ликвидацию неграмотности. В 1958 году на Кубе было более одного миллиона неграмотных из 7 миллионов жителей. В сельской местности читать и писать не умело более 40 процентов населения. В первые же годы 150 тысяч молодых бригадистов, в основном школьников и студентов, превратили Кубу в «территорию, свободную от неграмотности». Конечно, хотя только за 1959—1960 годы на Кубе было построено 10 тысяч классных помещений (то есть вдвое больше, чем за 50 предшествующих лет), школ все же еще не хватает, как не хватает и учителей. 97 процентов детей от 8 до 12 лет учатся в начальной школе, шестнадцатилетних же учится пока 39 процентов. Из 80 тысяч преподавателей только у 24 тысяч законченное педагогическое образование.

Об этих трудностях говорили делегаты съезда. Нет, не жалуясь, а вырабатывая конкретную программу работы на будущее. Они сами написали и водрузили плакат со словами Фиделя: «Мы уверены, что страна в настоящий момент располагает средствами, материальными ресурсами и силами для того, чтобы поддержать эту революцию в образовании!»

Летом 1972 года бригада наших комсомольцев, направленная на Кубу ЦК ВЛКСМ, строила там сельскую школу. Должен сказать, что строители испытали немалые трудности — климатические, языковые, технические. Но школу все же сдали на месяц раньше срока. Как позднее говорили ребята, внимание, которым окружают на Кубе строителей школ, просто обязывает забывать обо всем, кроме работы.

Поговорите с молодым кубинцем, членом СМК. С одинаковой страстью говорит он о сафре, урожае, подъеме сельского хозяйства, провокациях «гусанос» против кубинских рыбаков, обсуждает последние известия из Вьетнама, события в Чили, новости из социалистических стран. И не только обсуждает. Трудно встретить молодого коммуниста, который не стал донором и не отдал свою кровь для вьетнамских раненых. После землетрясения в Перу одними из первых на помощь перуанцам прибыли молодые кубинцы. «Патриа о муэрте! Венсеремос!» — этот лозунг для них не только выражение гордости за свою свободную социалистическую страну, но и клятва в верности всему мировому революционному движению.

На съезде нам удалось познакомиться с делегатом — сержантом Карлосом Эскаланте. Начальник одной из погранзастав на побережье острова, он мужественно встретил группу предателей, которые пытались проникнуть на Кубу. Пять раз раненный, он не покинул своего поста.

В 1971 году Алексей Николаевич Косыгин, будучи на Кубе, вручил герою знак «Отличный пограничник». Карлос с гордостью показывал нам награду, и было ясно, что для этого двадцатилетнего парня защита границ Кубы — это защита всех рубежей социализма.

ДОРОГИ, МОЩЕННЫЕ ЗОЛОТОМ

В ночь на 8 марта 1725 года трехмачтовый корабль «Акерендам», принадлежавший известной голландской Ост-Индской компании, разбился о скалы норвежского острова Рунде. На корабле находилось 16 ящиков с 230 тысячами золотых и серебряных монет.

Спустя 246 лет, в 1971 году, члены норвежского клуба любителей подводного плавания предприняли попытку найти затонувший корабль. Целую неделю 40 спортсменов прочесывали заросшее водорослями морское дно. Но все усилия оказались тщетными.

Прошел еще год. Двое молодых шведов, Густавсон и Персон, решили провести отпуск в небольшом портовом городке Северной Норвегии Олесунн. Здесь они познакомились еще с одним любителем подводного плавания, двадцатишестилетним Дале. Никто из них и не думал о сокровищах, лежавших на дне моря. Но именно им посчастливилось открыть один из крупнейших кладов золота и серебра Европы. Найденные монеты с трехмачтовика «Акерендам» представляют большую искусствоведческую и историческую ценность. Испанские серебряные талеры XVII века и голландские золотые дукаты, выпущенные в 1715 и 1724 годах, взбудоражили и без того беспокойный мир историков, археологов и коллекционеров.

Общества искателей сокровищ, появившиеся во многих странах мира, подсчитали, что всего на дне морей и океанов покоится более 1600 кораблей, трюмы которых наполнены самыми заманчивыми грузами. В свое время испанцы назвали морской путь из Америки в Европу «золотой дорогой». Не ведая того, они оказались дважды правы: по этой дороге не только возили награбленное золото, ее золотом еще и «мостили». 900 испанских кораблей затонуло у берегов Центральной Америки, 80 — у Южной. Кое-что о характере грузов говорит такой факт: в 1502 году у Санто-Доминго затонула испанская каравелла, на борту которой среди прочего находился стол из чистого золота. Не менее 69 кораблей лежат у Азорских и Канарских островов. А вот другие «залежи» сокровищ: 41 корабль лежит на дне Индийского океана, 68 — у берегов Японии, Китая и Филиппин, 24 корабля — у берегов Австралии, 217 — у берегов Европы...

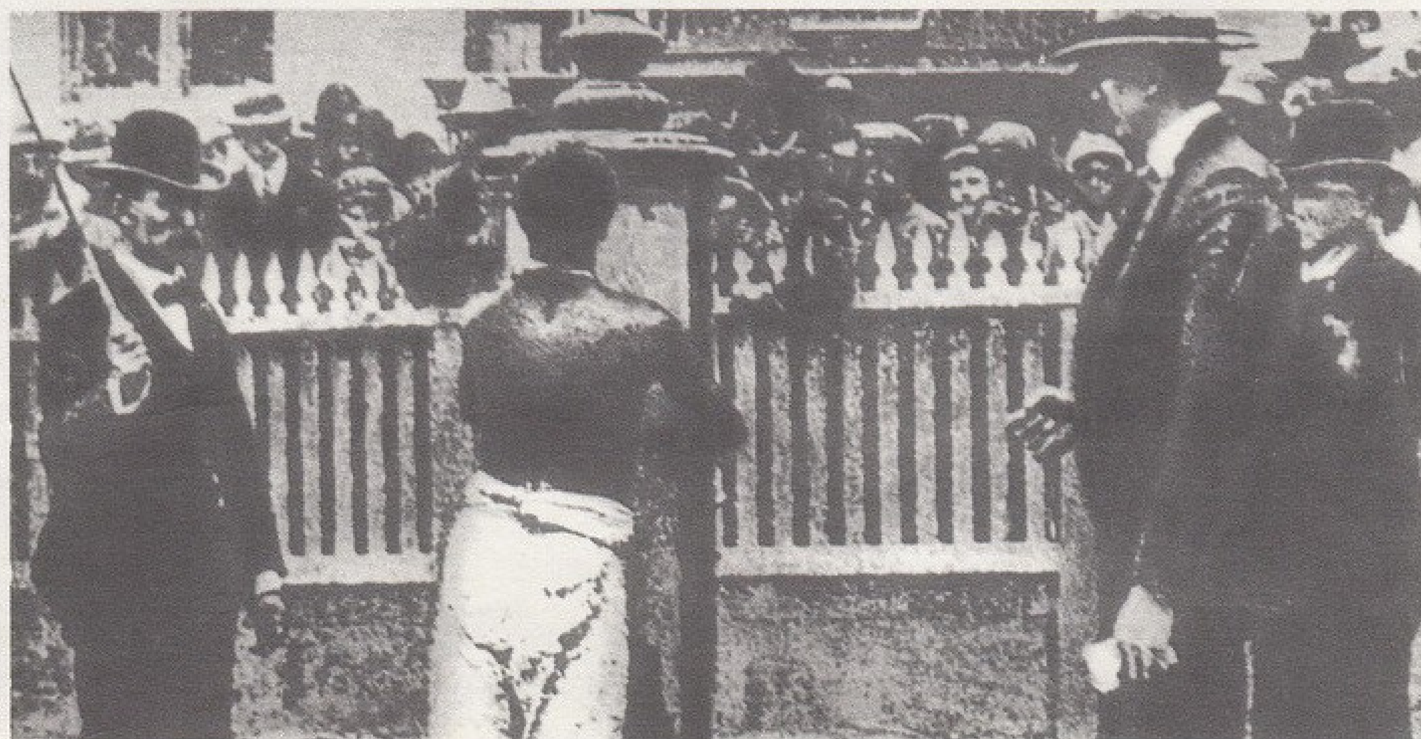
НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ С ДЖОНОМ ЛЕННОНОМ

Джон Леннон и Йоко Оно выпустили новую пластинку «Некоторое время в городе Нью-Йорке». Конверт оформлен в виде первой полосы газеты «Нью-Йорк таймс», только вместо статей — слова песен. Сверху, там, где «Нью-Йорк таймс» печатает многообещающий лозунг «Все новости, годящиеся для печати», Леннон поставил свою печальную и символическую новость: «Во Вьетнаме больше нет птиц». Песни альбома о том, что волнует сегодня большинство людей, что они ищут в газетах, что обсуждают между собой. Эти песни — продолжение традиций Боба Дилана, Пита Сигера и Фила Окса.

Джон Леннон поет об унизительном положении женщины в современном ему обществе. Он не ограничивается констатацией этой привычной для буржуазного общества «новости», он призывает: «Сестры, о сестры! Не будем сдаваться! Никогда не поздно построить новый мир». В песне о восставших узниках тюрьмы Аттика, он обвиняет: «Это Рокфеллер нажал курок». Он горестно размышляет: «Мы все — узники Аттики».

Леннон говорит, что на него огромное впечатление произвела песня Дилана о Джордже Джексоне, где есть такие слова: «Иногда мне кажется, что весь мир — одна большая тюрьма. Некоторые из нас — заключенные, остальные — стража».

Ну и в качестве справки: деньги от продажи «Нью-Йорка» пойдут на нужды таких организаций, как «Фонд защиты узников Аттики», «Ассоциация борцов за гражданские права североирландцев».

НЕДАВНИЕ ВРЕМЕНА

Забавно: в североамериканском штате Делавэр до наших дней не отменено «публичное телесное наказание», предусмотренное законом за «малые нарушения». На снимке, сделанном в начале века в городе Смирна, вы видите «воспитательный процесс» в полном разгаре. Металлический столб, к которому привязывали голодных воришек, пойманных на поле какого-нибудь ретивого до охраны своего добра фермера, сохранился до сих пор.

Забавно? Но ведь в последний раз «публичное телесное наказание» прописали всего лишь десять лет назад, и только в 1972 году группа сенаторов-демократов выступила за отмену этой средневековой «воспитательной меры».

ЭХ, ПЕРЕПЛЫВЕМ! В сравнительно недалеком будущем Англию и Францию свяжет туннель под Ла-Маншем, и тогда переезд с острова на континент потеряет привкус приключения, превратившись в обыденную поездку. Ну а пока... Пока Британию и Францию по-прежнему разделяет пролив, от берега к берегу по водной глади спешат жаждущие славы и острых ощущений. В позапрошлом номере мы рассказали уже о многолюдной когорте тех, кто пускался в путь через Ла-Манш на самых немыслимых подручных средствах. Слава (в данном случае — скорее всего рекламная и, безусловно, недолгая), как известно, штука заразительная, потому недавно в проливе вновь оказались «Дон-Кихоты Ламаншские». Пятеро молодых жителей Брайтона отправились во Францию на авиационном спасательном плотике (их спасли на середине маршрута). Почтенный же клерк лондонского банка оснастил мотором пивную бочку. (Как ни удивительно, он одолел-таки пролив.)

НАС БУДЕТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ!

— Мне бы, в общем, хотелось немногого, — сказала в интервью итальянской газете «Паэзе сера» Мелина Меркури. — Чтобы люди не теряли способности удивляться воздуху, свету, теплу, чтобы они могли ходить по улице, не оглядываясь с опаской.

В 1967 году, когда власть в Греции захватила хунта «черных полковников», Мелину Меркури, известную всему миру певицу, актрису театра и кино, лишили греческого гражданства. С тех пор Мелина ездит по странам Европы и Америки, выступает с концертами, участвует в митингах и демонстрациях — и все ради одной цели: видеть Грецию свободной. Сейчас она снимается в картине, которая расскажет о побеге трех политзаключенных из греческой тюрьмы.

Недавно Мелина побывала в Соединенных Штатах.

— Я поняла, что существуют две разные Америки. Одна — страна монополий и Пентагона. Другая — страна молодых, которые объединяются в поисках утерянных человеческих ценностей. Они верят, что в мире произойдут изменения. Я также уверена в этом: ведь миллионы людей во всем мире поднимают свой голос против эксплуатации, деспотизма, против старой, отжившей морали...

Я мечтаю о том времени, когда мы с друзьями сможем собраться в уютном афинском кафе. И чтобы входили новые люди и подсаживались к нам. Мы будем беседовать, молчать, обмениваться взглядами. И все мы будем знать, что нас будет еще больше.

НРАВЫ

До сих пор в Дании существует старинный обычай, по которому девушка может просить руки мужчины. Есть, правда, ограничение: домогаться руки можно только в високосном году 29 февраля. Если мужчина решится на отказ, он должен в качестве утешения-возмещения подарить несостоявшейся невесте 12 пар новых перчаток.

ПОЛИТИКА

Министр культуры Саудовской Аравии издал декрет, согласно которому игра в шахматы теперь под запретом. Комментируя это сообщение, лондонская «Дейли телеграф» поясняет, что в шахматах, как известно, самые обыкновенные пешки постоянно атакуют короля, а потому шахматы должны считаться «игрой диверсантов».

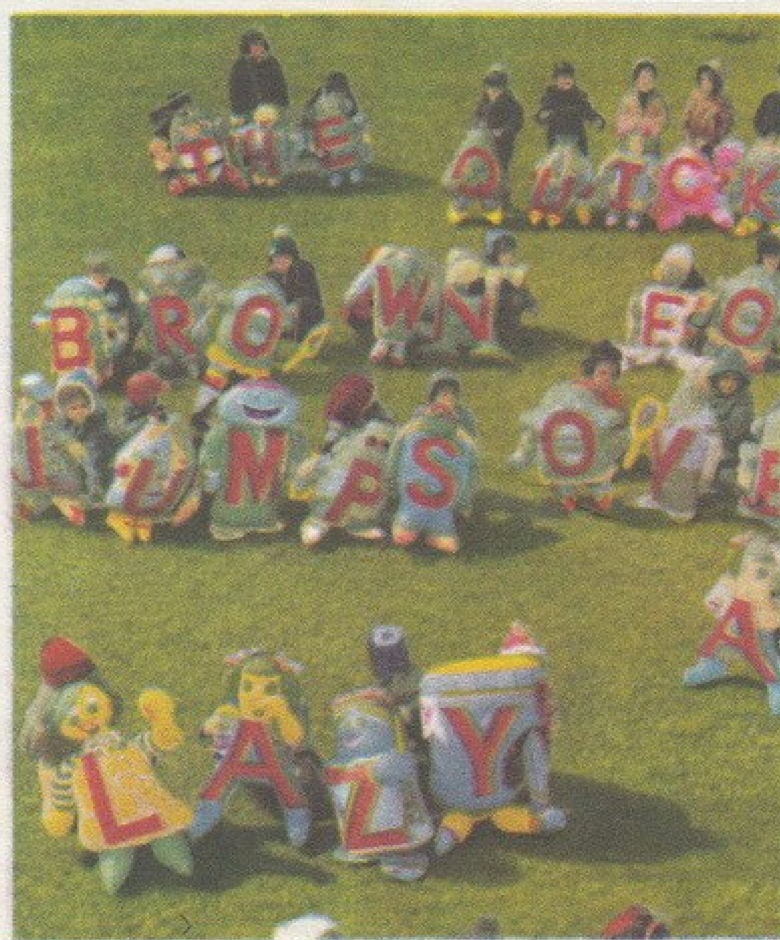
СТАТИСТИКА

Неожиданные результаты получил чехословацкий институт моды, который провел анкетный опрос среди мужчин. 85 процентов (!) из них заявило, что галстук является абсолютно ненужной и лишней частью мужского гардероба.

ПРОВОРНАЯ РЫЖАЯ ЛИСА БРОСАЕТСЯ НА ЛЕНИВУЮ СОБАКУ

Так переводится английское предложение, составленное из букв, нарисованных на ярко раскрашенных резиновых куклах. Эти куклы — новая форма обучения малышей азбуке, которую предлагают американские педагоги. Понятно, что дети в восторге от столь увлекательной «зубрежки». В перерыве между занятиями они играют со своими куклами, в облике которых есть намек на ту или иную букву алфавита. Если перевести игру на русский, то получается вот что: у буквы «В» — ярко-рыжие Волосы, у буквы «Н» — длинный Нос, у «О» — большие круглые Очки. Причем все гласные звуки — куклы-девочки, согласные — мальчики.

Играя в куклы-буквы, малыши рано учатся «писать» целые предложения.

ЗЕРКАЛО ЛЬДА

Рассказ

Гэри РАЙТ,
американский писатель

Рис. В. Грызлова

Ее называли Стука. Это была извилистая, миль шестнадцати длиной полоса ослепительного льда: первые мили она стремительно летела вниз, затем шла под уклон, вычерчивая по склону горы трассу, похожую на след гигантской змеи. Ширина ее на прямых составляла 30 футов, на виражах доходила до 40. Люди проложили ее для саней...

Он ждал в тесной кабине и слушал вьюгу. Ветер выл в обледеневших уступах сияющего льдом и снегом пика и свистел на крутом скате, подхватывая бешеными порывами хлопья, крутя их до самого неба, поблескивающего недоброй голубизной.

Он трусил. И что еще хуже — сознавал это. Край пропасти был совсем близко. Прямо под носом его саней гора круто обрывалась; казалось, она падала вертикальной стеной, а долина виднелась далеко внизу. Так далеко! Края летящих облаков задернули бездну. Проходило долгое, какое-то неземное время. Текли, текли одинокие мысли: «Как невыносимо ожидание...»

Внезапно все вокруг озарилось тусклым светом зарева. В небо взвились две красные ракеты. Они описали дугу над долиной и погасли.

Две минуты.

Ярко разукрашенные трибуны по обеим сторонам трассы, грациозно спускающейся со склона, были переполнены. Он взглянул на сотни замерших пустых стекол защитных очков. Так всегда — люди, оглядывая тех, кто на старте, пытаются проникнуть сквозь их шлемы, понять причину их пребывания здесь, на волоске от смерти. Он перевел взгляд на недосягаемую долину.

...Последний раз — ты ведь уже дал себе слово. Последний. Последний старт, а потом — конец, прощайте сани, и благодари бога, что ты цел! Чьи это слова?

Тогда какого черта ты здесь? Твой «последний старт» должен был быть в прошлом месяце. Почему же ты опять здесь?

Он вцепился в руль так, что руки свело судорогой. Он будет думать о своих санях. Это его одиннадцатые сани, и, как их предшественники, они ярко-красного цвета. Не ради красоты, а из-за возможной аварии. Он хочет, чтобы его нашли и нашли как можно скорее. Некоторых из «Семьи» не могли отыскать вовремя.

...Боба Ландера нашли только этим летом.

Он откинулся на сиденье. Снежная пустыня, и сани весом 185 фунтов, с кабиной и полозьями. Они низкие и узкие — чуть шире его плеч — как метательный снаряд. Ноги закреплены в педалях. Руль упирается в живот. Но есть у этих саней одна особенность, которая внушает зрителям благоговейный страх: они запросто могут опрокинуться вверх полозьями. Суровость этого спорта превращает бобслеистов в особый клан, братство, выделяет среди других. Это особая порода людей. «Семья» — так они себя называют.

Кто-то, смеясь, сказал: «Мы самые быстрые в мире самоубийцы».

Он стал проверять тормоза. Под большим пальцем — кнопка. Стоит нажать ее, как из носовой части саней вылетает заряд ракет. Таких зарядов семь, часто этого оказывается мало. А на случай выхода из строя всех систем, включая и человека, возле его левого бедра рычаг. Гонщики называют его «последняя глупость». Резкий рывок — и ты либо повисаешь на парашюте на высоте 300 футов, либо «последняя глупость» — твой последний сознательный шаг в жизни.

Ганс Крогер: он шел на все ради золота. Кончилось тем, что его тело выкопали из 18-футового сугроба. Он попытался выброситься, но сани взлетели на воздух.

Ярл Йоргенсен: его сани перевернулись, но он успел катапультироваться — под следующие сани.

Макс Конрад: отличный взлет на 350 футов в сторону от трассы. Но его парашют так и не раскрылся.

Вейн Барлей...

Ему стало тесно в кабине. Захотелось размяться. Но он кожей чувствовал на себе глаза зрителей и телевизионных камер.

Его внимание привлек свет. В небе мигнула одинокая ракета и тут же погасла.

Одна минута. «Господи, время совсем, что ли, остановилось?» Но так казалось им всем: ожидание, богом проклятое ожидание, мучительное вглядывание в долину далеко внизу. А ведь были люди, которые в эти две минуты распахивали кабины и оставались. Он тоже может. Просто откроет кабину, и, когда другие сани бросятся вниз, он останется здесь один. Но, бог мой, как будет одиноко! Он останется один до конца дней. Возможно, он где-нибудь и встретится с «Семьей». Но они не посмотрят в его сторону. Нет, остаться — равносильно смерти.

...А идти — тоже верная смерть. Смерть — молчаливый пассажир у каждого «боба» на каждых гонках.

Он хмуро оглядел другие сани: 16 машин, 16 ярких, красивых, быстрых, как пули, снарядов, готовых ринуться вниз. Он знал каждого: они — его братья. Это «Семья» — но не здесь. Не сейчас.

Много лет назад, когда он был еще новичком, он спросил Франца Кэшнера: «Видел, как я взял Бэшер Бенд? Прямо рядом с тобой».

Франц сказал: «Там, наверху, я не вижу никого! Только сани! Здесь ты — это ты, там ты — это другие сани».

...Да, так оно и было. На трассе разбивались только сани... Позже, в долине, чувствовалось отсутствие людей.

Из этих шестнадцати машин шансы финишировать были у девяти. Если повезет, может быть, к финишу придут десять. Но то, что только четырнадцать человек будут живы сегодня — это наверняка. Того, кто придет первым, ждут 20 тысяч долларов и месяц отдыха — до следующего старта. Деньги, слава и все женщины мира — и все это для того, кто победит Стуку.

Он только знал, что с этой горы для него сейчас один путь — вниз, и впервые за все время у него задрожали ноги. Двенадцать с половиной миль за 9 минут 1,14 секунды! Средняя скорость — 82,67 мили в час. И он поставит этот рекорд. Им будет что вспомнить потом!

Опять свет: зеленая ракета взметнулась в синеву. Крайне напряженный момент — тихий щелчок спускового крючка, ленивый, медленный старт, сани строем скользнули через гребень горы...

Через шесть секунд он уже шел со скоростью 60 миль в час. Вот и первый вираж.

Он посмотрел направо. Путь был свободен. Он отпустил тормоз и повернул. Они летели почти по вертикальной стене. Брызги льда, высекаемого полозьями при поворотах, разлетались веером. Сани стремительно забирали вправо. Сердито ревели, тряслись. Скорость возрастала. Шла борьба за место: сани сбивались в кучу, стараясь оттеснить друг друга. Он шел позади всех, но это неплохо. Он не любил, когда его слишком рано зажимали в угол. Стальной снаряд несся с головокружительной скоростью. Угрожающе приближалась почти отвесная стенка Бэшер Бенд. Они называли его «Вираж-убийца». Он шел вплотную с лавиной саней. Это было ему наруку: уменьшалось сопротивление ветра. Бешено заплясали белые хлопья. Его скорость увеличилась, и это позволило ему подняться раньше других к кромке. Комбинезон сдавливал его. Сани круто повернулись и направились к выходу из виража. Рев, казалось, исходил из недр горы. Низкий, усиливающийся раскатами грохот, напоминающий грохот лавины...

Он обогнал несколько саней. Почти сидя на хвосте другого «боба», вышел на прямую. И вот уже перед ним следующий вираж. Он отпустил левую педаль, упор в левый борт помог ему держаться от соседа на безопасном расстоянии в 6 дюймов. Он чувствовал тошнотворную гладкость убегающего под сани льда. Но он не рассчитал, слишком рано ослабил тормоза — трасса все еще шла под уклон. Сани накренились. Но тут же выровнялись. Другой «боб» обошел его. Обломки льда отлетали от его полозьев и, как град пуль, сыпались на его сани. Что такое? Опять крен! Частые и сильные удары воздуха закачали его из стороны в сторону. Отказал левый тормоз. Сани задрожали, загрохотали от напряжения. Машина вышла из строя. Но он не мог теперь остановить ее, даже если бы хотел. Он должен ехать до конца. И неожиданно он понял, что ему не быть сегодня внизу. Он разбивался и раньше, много раз, но никогда не чувствовал страха. Такого страха. Он не мог объяснить, как случилось, что он дал ему волю.

Неожиданно откуда-то из середины взлетели в воздух сани. Они завертелись, словно птица. Сани, которые шли следом, выпустили ракеты и постарались отъехать в сторону. Он рывком открыл воздушный тормоз и выпустил заряд ракет, сила инерции прижала его к сиденью, левая рука была наготове, чтобы рвануть еще один рычаг. Но если бы он промедлил...

Курт Шнабель гордился, что он единственный из тех, кто еще ни разу не катапультировался. Но однажды он попытался и промедлил какую-то долю секунды...

Нет, здесь не было людей, бросавших начатое дело. Только те, кто идет вперед, или... мертвые. Сани летели к Винговеру со скоростью 90 миль в час. Здесь было второе по величине скопление зрителей и телекамер, здесь же стояли два санитарных вертолета и священник. Винговер...

Представьте самолет, идущий в пике... теперь сани, делающие то же самое с высокой ледяной горы, горы, возвышающейся, как огромная вздыбившаяся волна, замерзшая в момент наивысшего взлета... Винговер — это чудовищный спиральный взлет почти на 50 футов, а потом бросок вниз под углом 65 градусов...

«...Невероятно! — в один голос воскликали эксперты, когда Уилфрид фон Герлах одолел Винговер. — Сделать это невозможно!» Но гонщик фон Герлах был бобслеистом высшего класса, обладателем «Большого приза». Когда проложили Стуку, он первым проехал по ней на санях. На финише он с минуту помолчал, потом взглянул на гору и спросил: «Какая скорость была у меня на Винговере?» Ему ответили: «Сто десять миль в час». Он кивнул, потом сказал, отвечая собственным мыслям: «Возможно!»

С тех пор «возможно» стало любимым выражением бобслеистов.

В горах стоял грохот. Сани, словно волны, взлетали по бесконечной спирали. Он следил за ними и чувствовал, как его снова парализует страх. Человек в санях немногим отличается от пленника...

Он был как во сне. Между ним и «бобом», идущим впереди, было 4 фута. Гора летела прямо на него. Сани закачало. В следующую минуту раздался треск — сани врезались в стенку. Он рванул рычаг катапульты — система не сработала. Он видел, как двое саней взлетели в воздух, а третьи разлетелись на куски и обломки их заскользили по трассе. Достаточно было наскочить на один из них...

Но угол неожиданно оказался позади. Трасса разматывалась в почти горизонтальную прямую. Он удивился, что еще может дышать. Во рту был привкус крови. Он выплюнул осколки зубов...

...Сколько их погибло? Он видел двух. И сам не дойдет до конца. Значит, еще один, но страха смерти не было. Что-то помогло ему уйти от стенки, что-то тайное все время управляло им, помогало, как кораблю, обходить скрытые рифы.

Стенка позади, но перед ним еще более грозный противник...

Сани дергались. Он шел плохо, слишком резко поворачивал руль на виражах. Он с трудом провел сани через «Зигзаг удачи». За ним летели ледяные брызги. Нет, дело было не в санях. Виноват он сам. Он мчался прямо в ворота «Ада» со скоростью больше 110 миль в час!

«Ад» начинался с невинного широкого поворота влево, а дальше был конец света. Трасса бросалась очертя голову вниз — помчали под углом 50 градусов, потом разворачивалась на 180 градусов вправо, делала крутой поворот налево и, наконец, вела напрямую к финишу. На этом месте разбивалось больше людей, чем в любой другой части маршрута.

Здесь был финиш, здесь были самые большие трибуны и самые голодные глаза телекамер. Здесь были три священника и полевая операционная. Здесь...

...Здесь он покончит со всеми формальностями смерти.

Он повернул налево, но слишком резко. Сани не удержали равновесия, забуксовали. Он сделал упор на левый борт. Теперь тормоз ослаб, сани заскользили по стенке. Он ждал, почти спокойно выжидал, когда сможет круто повернуть и направиться к выходу из виража. Секунда! Но сани все еще идут вверх по стенке, чертя неверную кривую. Он лихорадочно увеличил упор внутрь виража, но не рассчитал. Сани качнуло в противоположную сторону. Он вывернул руль, предупреждая занос, но сделал это недостаточно быстро. Сани, как норовистый конь, встали на дыбы. Потом крен на левые полозья — и удар о стенку. Удар был силен — сани полностью вышли из повиновения, но он продолжал попытки.

Госпиталь. Сколько раз он просыпался здесь! Это всегда чудесно: нежное тепло, тело наконец-то расслаблено и отдыхает. И, как всегда, толпа — репортеры, писатели и прочие вампиры. И неизменное интервью с победителем.

— Как это случилось?

— Я задремал.

— Почему вы не катапультировались?

— Это опасно.

— Когда вы поняли, что сани вышли из подчинения?

— На старте.

— Что вы намерены делать сейчас?

— Лечиться.

— Будете ли вы участвовать в следующих гонках?

— Возможно.

Снаружи свистел ледяной ветер.

Сокращенный перевод с английского
Л. МАНАКОВОЙ

Главный редактор А. А. Нодия.
Редакционная коллегия: В. Л. Артемов, С. М. Голяков, И. В. Горелов (зам. главного редактора), О. А. Горчаков, М. А. Дробышев, И. С. Зенушкина, В. П. Мошняга, Б. К. Пуго, А. Н. Филатов (ответственный секретарь), С. А. Чибиряев.

Худож. редактор О. С. Александрова.
Оформление В. Д. Грызлова.
Техн. редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5.

Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21/XI 1972 г. Подп. к печ 25/XII 1972 г. А01350.
Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. 5,2.
Тираж 400 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2253.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Гавана. Крепость Ла-Кабанья. ▲

На сафру. ▼

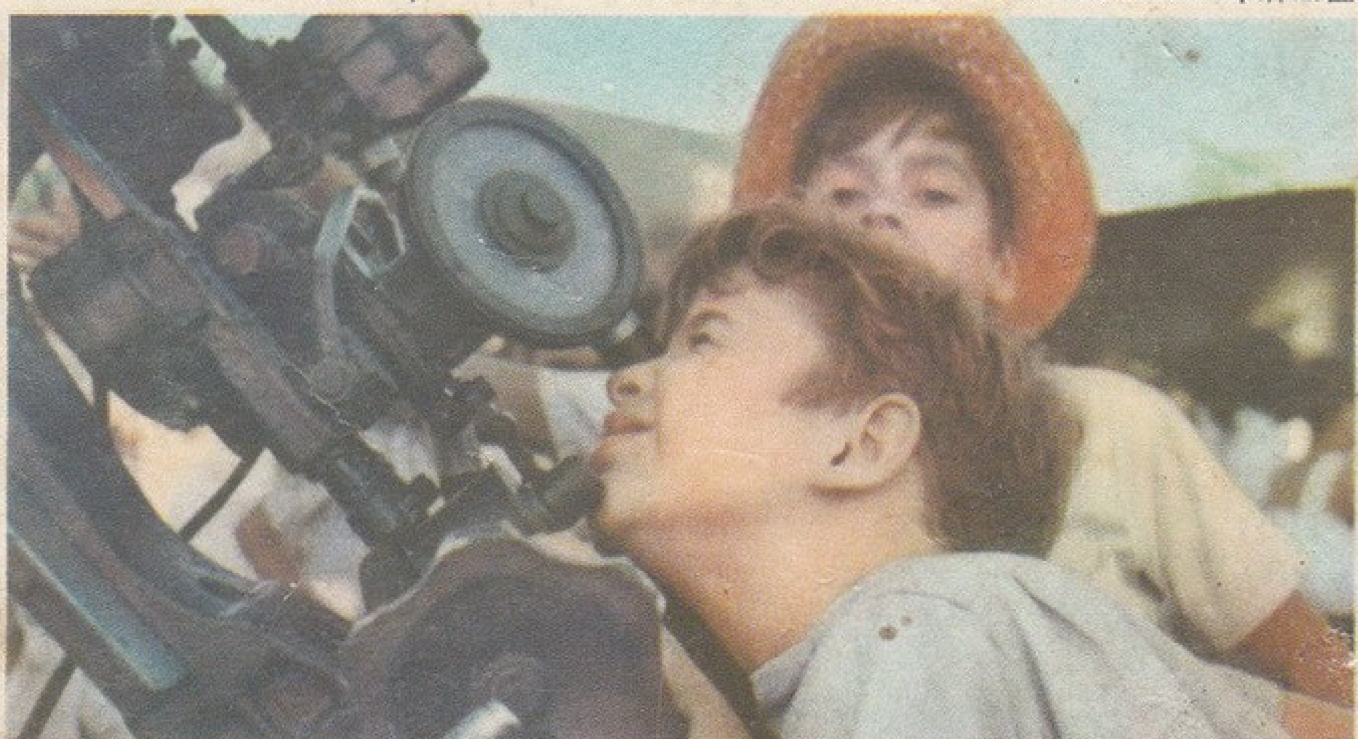

Интербригада на строительстве школьного городка. ▲

Праздник в городе Камагуэе. ▼

Будущие защитники Кубы. ▼

Цена 20 коп.

Индекс 70781